



МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР  
КАРНЕГИ



# ИЛЛЮЗИЯ БЛИЗОСТИ: АМБИЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ РОССИИ НА ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ

Максим Саморуков



МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР  
КАРНЕГИ

---

**ИЛЛЮЗИЯ БЛИЗОСТИ:  
АМБИЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ  
РОССИИ НА ЗАПАДНЫХ  
БАЛКАНАХ**

Максим Саморуков

Данное издание подготовлено Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Данная публикация предназначена исключительно для личного использования и не подлежит воспроизведению, распространению или переработке без письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы на перепечатку направляйте, пожалуйста, в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,  
Тверская ул., д. 16 стр. 1  
Тел.: +7 (495) 935-89-04  
Факс: +7 (495) 935-89-06  
[info@carnegie.ru](mailto:info@carnegie.ru)

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта  
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2017

# Содержание

Об авторе	v
Краткое содержание	1
Введение	3
Сербия	7
Черногория	17
Босния и Герцеговина	29
Македония	33
Выводы	38
Примечания	43
Московский Центр Карнеги	49



---

## Об авторе

**Максим Саморуков** — заместитель главного редактора интернет-портала Carnegie.ru (Московский Центр Карнеги).

С 2009 года и до прихода в Московский Центр Карнеги М. Саморуков работал в независимом интернет-издании Slon.ru — сначала корреспондентом, затем редактором и международным обозревателем. Основные темы его публикаций — российская внешняя политика, Восточная Европа и ее отношения с Россией, Балканы, европейский кризис, проблемы перехода к демократии.



## Краткое содержание

Поведение России на Балканах — традиционный предмет беспокойства Запада. Исторические связи, культурная близость, популярность России у значительной части местного населения дают повод видеть в ней могущественную и непредсказуемую силу, способную в любой момент перевернуть ситуацию в регионе. В ходе косовского кризиса в конце 1990-х на Западе боялись, что Москва может вмешаться в военный конфликт на стороне режима Слободана Милошевича, в 2000-х — что она попытается воспрепятствовать начавшейся интеграции балканских государств в ЕС и НАТО. Украинский кризис 2014 года породил опасения, что Балканы могут стать еще одним направлением российской внешнеполитической активности в новом противостоянии с Западом.

Действительно, Москва публично осуждает продолжающееся расширение НАТО на Балканах, а в ее адрес раздаются громкие обвинения в подрывной деятельности — чаще всего в Черногории, но также и в Сербии, Македонии и Боснии и Герцеговине. Это свидетельствует о том, что в ЕС и НАТО рассматривают Западные Балканы как уязвимый фланг Запада, где нерешенные региональные проблемы, исторические симпатии к России и низкое качество местных элит создают возможности для возвращения российского влияния.

Россия, со своей стороны, очевидно, стремится изменить порядок, сложившийся после холодной войны, и пытается продвинуть свои интересы в том числе за пределами постсоветского пространства. Западные Балканы — в отличие от Украины, Сирии, Ливии или Афганистана — пока не стали приоритетным направлением российской внешней политики, но остаются предметом интереса Москвы и время от времени используются в пропагандистских целях и дипломатических маневрах.

### Удобная иллюзия близости

- История отношений России и Западных Балкан сильно мифологизирована. За последнее столетие непродолжительные периоды союзничества перемежались конфликтами и долгими охлаждениями. Несмотря на двухвековую традицию дружбы, нынешнее сближение началось сравнительно недавно, в 1990-е годы, и во многом основано на эмоциях, на общей для этих стран обиде на Запад.
- После волны российских инвестиций в балканскую энергетику во второй половине 2000-х Россия разочаровалась в экономических пер-



спективах региона. Новые проекты не появляются уже много лет. Из-за падения цен на углеводороды и проблем с реализацией проектов «Южного» и «Турецкого потока» Москва практически остановила свою экспансию в энергетическом секторе Западных Балкан.

- Балканские политики, чутко улавливая настроения западных доноров, склонны целенаправленно преувеличивать масштабы российского влияния в регионе, чтобы укрепить свои позиции в торге с Брюсселем, смягчить западные требования реформ, а также добиться преимуществ во внутривосточной борьбе.

### Позиция России

- Российская политика на Западных Балканах, растерявшая большую часть экономических стимулов после провала проекта «Южный поток», сейчас представляет собой в основном реакцию на возобновившееся расширение НАТО в регионе. При этом у самой Москвы нет ни желания, ни ресурсов подменять Запад в решении проблем региона ни в экономике, ни в сфере безопасности. На Балканах Россия стремится сохранить за собой репутацию влиятельной мировой державы и затруднить интеграцию государств региона в евроатлантические структуры. Эти цели Москва преследует с помощью малобюджетных методов — ярких символических жестов и пропаганды. При этом Кремль не готов вкладывать в это направление серьезные ресурсы, поскольку укрепление позиций НАТО на Балканах не несет прямой угрозы безопасности России. С другой стороны, Москва убеждена, что Запад стремится вытеснить ее с постсоветского пространства, а потому не видит для себя стимулов поддерживать западные попытки окончательно урегулировать балканские конфликты.
- Романтика православно-славянского братства по-прежнему популярна в среде русских националистов, что делает возможным участие отдельных российских граждан в балканских конфликтах. Такие действия могут вызвать симпатию и даже получить поддержку в тех или иных государственных структурах России. Тем не менее доступные проверке факты не свидетельствуют о том, что Россия на Западных Балканах реализует какие-то системные, далекоидущие планы. Скорее речь идет об экспромтах, о попытках воспользоваться моментами, когда в регионе складываются благоприятные для Москвы обстоятельства.
- Целенаправленная дестабилизация Балкан не принесла бы России серьезных экономических или геополитических выгод, зато вывела бы противоборство с Западом на новый, еще более жесткий уровень. Россия вряд ли заинтересована в переходе к такому тотальному противоборству в регионе, где шансов победить противника у нее практически нет.

## Введение

Западные Балканы принято считать одним из главных и едва ли не вечных направлений внешней политики России. Защита Сербии стала поводом для вступления Российской империи в Первую мировую войну, Красная армия освобождала Белград вместе с партизанами Тито, премьер-министр РФ Евгений Примаков развернул свой самолет над Атлантикой, когда узнал о решении НАТО бомбить Югославию. За последние сто с лишним лет почти на каждом этапе российской истории найдется какое-нибудь балканское событие, во многом определившее отношения России не только с этим регионом, но и вообще со всем миром.

Все вместе это принято называть традиционной исторической близостью России и стран бывшей Югославии, под которыми подразумевают прежде всего Сербию, но часто также и Черногорию и другие республики с большим процентом православного славянского населения (Боснию и Герцеговину, Македонию).

Однако если присмотреться к этой близости внимательнее, выясняется, что в ней куда меньше традиционного и исторического, чем кажется. За последнее столетие периоды полного взаимопонимания и близости с Сербией-Югославией были лишь непродолжительными эпизодами в истории довольно прохладных, а иногда и совсем враждебных отношений Москвы и Белграда.

Союз династий Романовых и Карагеоргиевичей был нерушим только до 1917 года, после чего Белград превратился во враждебный советской Москве центр белой эмиграции. Королевская Югославия последней в Восточной Европе установила дипломатические отношения с СССР — летом 1940 года. Дальше за тесным военным и экономическим сотрудничеством середины 1940-х последовал жесточайший разрыв 1948 года, когда коммунистическая Югославия стала для Москвы чуть ли не большим врагом, чем капстраны. После смерти Сталина острота конфликта снизилась, но отношения все равно оставались напряженными, скатываясь в кризис после каждой интервенции советских войск в Восточной Европе.

В первой половине 1990-х российские власти не особенно вспоминали про традиционные исторические связи России с «братским сербским народом», одобряя без лишних возражений все новые пакеты международных санкций против Милошевича.

Близость России и сербов (живущих не только в самой Сербии, но и составляющих крупные и влиятельные меньшинства в соседних стра-

нах) хоть и имеет многовековую историю, в своем нынешнем виде оформилась сравнительно недавно, в конце 1990-х годов. Тогда российское руководство, и без того уязвленное расширением НАТО на страны бывшего соцлагеря, столкнулось с тем, что США готовы односторонне применять силу не только в Сомали или Ираке, но и в столь близкой Москве Восточной Европе.

Руководству России было нетрудно сравнить конфликты в Чечне и в Косове и спроецировать на себя обстоятельства, в которых оказался Слободан Милошевич. С тех пор югославские события превратились для российских властей в базовый сценарий того, что Запад планирует сделать с ними. Игнорируя внутренние причины югославского кризиса, в Москве стали воспринимать гражданскую войну в Югославии как устроенную Западом репетицию, как пробу сил: можно ли за несколько лет превратить довольно благополучную и влиятельную страну в клубок бедных, занятых только друг другом государств на задворках Европы. Естественно, считали в Москве, сербы — это только тренировка, а истинная цель Запада — Россия.

Такую интерпретацию распада Югославии прямым текстом сформулировал сам президент Путин весной 2014 года, вскоре после начала украинского кризиса: «Стараются размельчить. Посмотрите, что с Югославией сделали. Разрезали на маленькие кусочки, а теперь манипулируют всем, чем можно манипулировать. Там уже можно манипулировать практически всем... Вот, в принципе, то же самое кое-кто хочет сделать, видимо, и с нами»<sup>1</sup>.

Безличными глаголами в третьем лице множественного числа российские официальные лица обозначают только одну страну, но для полной ясности можно обратиться и к другим выступлениям российского президента. В октябре 2016 года он еще раз пояснил, что отношения России и США испортились задолго до Сирии: «Вы вспомните, что происходило вокруг Югославии, оттуда все и началось»<sup>2</sup>.

Общая обида на Запад, который «лицемерен, нас любить не хочет и всегда играет на стороне наших врагов», очень сблизила на эмоциональном уровне не только руководство России и Сербии, но и вообще многих русских и сербов. Сербия прониклась к русским глубокой благодарностью, ведь Россия оказалась единственной крупной страной, поддержавшей их во время конфликта с Западом. Они стали видеть в русских тех, кто сможет хоть как-то отомстить высокомерной Америке за унижения, пережитые Сербией. Русские, в свою очередь, зауважали сербов за нежелание идти на уступки Западу, за готовность до конца защищать свои позиции даже против превосходящих сил противника.

Но это все эмоции. Наполнить отношения между народами каким-то реальным взаимовыгодным сотрудничеством оказалось намного сложнее, чем просто обниматься, восклицая: «Как я вас понимаю!»

Эмоциональный фон в обеих странах обещал серьезный рост рейтинга любому политику, которому удастся продвинуть хоть какой-нибудь проект сотрудничества России с Сербией или с сербскими меньшинствами в соседних странах. Но находить жизнеспособные проекты все равно получалось с большим трудом.

Несмотря на пробудившуюся «взаимную любовь», быстро выяснилось, что в экономическом отношении Россию и сербов мало что связывает. Своевольная Югославия, со своим неортодоксальным социализмом, сотрудничала с СССР не так тесно, как государства СЭВ. Десятилетия холодной войны оставили тут куда меньше общего наследства, чем с соседними Болгарией или Венгрией, не говоря уже о гораздо более интегрированных с Россией бывших советских республиках.

Некоторая надежда конвертировать свою популярность на Западных Балканах во что-то практическое возникла у руководства России только во второй половине 2000-х годов. И экономики в этих планах было гораздо больше, чем геополитики. Тогда цены на нефть били рекорды, а Евросоюз стремительно расширялся, принимая к себе одну за другой страны Восточной Европы. Российские власти и бизнес решили, что появилась отличная возможность закрепиться в энергетическом секторе стран бывшей Югославии, пока Брюссель не навязал им разные ограничения, а потом вместе с этими странами попасть на общий рынок Евросоюза. Да и сами Западные Балканы в те годы тоже выглядели довольно перспективно, их ВВП рос по 5–7 % в год.

Но надежды не оправдались: все три тренда с тех пор успели развернуться. Цены на нефть и газ упали более чем вдвое, процесс расширения ЕС почти остановился, а экономики стран Западных Балкан после кризиса 2008 года надолго впали в застой. Украинский кризис окончательно испортил отношения России с Евросоюзом, и ЕС отказался от мегапроекта газопровода «Южный поток», вокруг которого должны были группироваться другие российские приобретения в балканской энергетике. В результате Москва остановила экспансию в энергетическом секторе Западных Балкан.

Развивать сотрудничество в области политики или безопасности без экономической основы — дело малоперспективное. Когда в торговле и инвестициях соотношение Евросоюза и России для стран Западных Балкан оказывается в лучшем случае десять к одному, невозможно всерьез обсуждать перспективы вступления в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) или Евразийский экономический союз (ЕАЭС) даже Сербии — самой пророссийской из всех стран региона.

Такую несоизмеримость экономических связей невозможно перебить никакими эмоциями — это прекрасно осознают и на Западных

---

**Невозможно всерьез обсуждать перспективы вступления в ОДКБ или ЕАЭС даже Сербии — самой пророссийской страны Балкан.**

---

Балканах, и в Москве. Поэтому даже самые пророссийские из серьезных балканских политиков все равно поддерживают интеграцию своих стран в Евросоюз, а российское руководство никогда против такой цели не возражало и озабоченностей по этому поводу не высказывало.

Ситуация с НАТО сложнее, потому что Москва, особенно сейчас, никак не может поддерживать расширение враждебного ей Альянса, в каком бы направлении оно ни происходило. Но это не отменяет понимания того, что Западные Балканы от российских границ далеки и уже давно окружены со всех сторон странами НАТО. К тому же регион действительно нуждается во внешнем гаранте безопасности для защиты не столько от внешних, сколько от внутренних угроз — от новых вооруженных конфликтов между балканскими этносами. Принять в такой роли Россию большинство местных лидеров не готово. Не горит желанием и сама Россия, которой подобных задач хватает на значительно более приоритетных для нее направлениях, как, например, среднеазиатском.

Собственно, такая пустота отношений России и сербов во многом и обеспечивает их безоблачность. Когда сотрудничество сводится к совместному просмотру военных парадов, ссориться просто не из-за чего. Эта ситуация устраивает всех. С одной стороны, никто друг от друга ничего не ждет и не требует. С другой — и балканский, и российский избиратель очень любит демонстрацию масштабных геополитических связей, поэтому «давайте чаще встречаться», тем более что «мы так хорошо друг друга понимаем».

Даже нынешний тяжелый кризис в отношениях России и Запада внес в эту благодатную балканскую идиллию скорее косметические изменения. Балканские лидеры поняли, что слово «Россия» опять стало вызывать на Западе обостренную реакцию, что может пригодиться для усиления их позиций на переговорах с требовательными Евросоюзом и НАТО. В России, в свою очередь, решили, что раз Евросоюз отказывается координировать с Москвой свои действия в российском приграничье, то и она имеет право вести себя так же в приграничье Евросоюза.

Тем не менее в своей основе отношения России и Западных Балкан не изменились. Главная цель Москвы в регионе та же — сохранить за Россией репутацию влиятельной мировой державы. Вторая по значимости цель — затруднить и по возможности не допустить вступления балканских государств в НАТО. При этом обе цели Москва готова преследовать только до тех пор, пока это не требует от нее серьезных затрат.

В свою очередь, балканские правящие элиты, независимо от партийной принадлежности, по-прежнему не видят жизнеспособных альтернатив интеграции своих стран в западные международные структуры. Разговоры и об особой дружбе с Россией, и о российской угрозе используются ими лишь для того, чтобы убедить Запад не относиться к ним так требовательно.

## Сербия

Ни с одной страной мира у России нет таких внешне замечательных и безоблачных отношений, как с Сербией. Независимо от смены правительств в Белграде между странами уже много лет не было даже намека на конфликт или разногласия. Одна сплошная дружба и взаимопонимание. Сербы по-прежнему переживают за Россию чуть ли не больше, чем за собственную Сербию, а русские считают сербов единственными надежными союзниками в полном предателем внешнем мире. Рискни кто-нибудь из политиков покуситься на братскую идиллию, ему пришлось бы поплатиться за это своей репутацией.

Казалось бы, при таком эмоциональном фоне две страны должны самым тесным образом взаимодействовать и в экономике, и в вопросах безопасности. Но на деле сегодняшняя Сербия — это лучший пример того, что даже у самой пророссийской страны Балкан, где сейчас у власти политики, декларирующие подчеркнуто пророссийские взгляды, масштабы сотрудничества с Россией все равно остаются очень скромными.

Когда в 2012 году президентом Сербии был избран Томислав Николич, а правительство стали формировать Александр Вучич и Ивица Дачич, ожидания (а у некоторых, наоборот, страхи) были огромные. После 12 лет правления партий, считавшихся прозападными, к власти пришли националисты, которые хоть и не отрицали необходимости евроинтеграции, но предлагали уравновесить ее укреплением связей с Россией. Страну возглавили политики, которые в 1990-х были в великосербском лагере Милошевича, а после его свержения много лет из оппозиции критиковали новую прозападную власть за предательство сербских национальных интересов: за излишнюю уступчивость по Косову, за слишком активное сотрудничество с НАТО и слабое — с Москвой.

Радикальная смена действующих лиц в парламенте, в правительстве, на посту президента должна была привести к не менее радикальному развороту во внешней политике. Не могли же люди, чьи фамилии в 1990-х значились в черных, санкционных списках Запада, сотрудничать с ЕС и НАТО активнее, чем их последовательно прозападные предшественники типа премьер-министра Зорана Джинджича или президента Бориса Тадича. Все ждали обещанного поворота на Москву.

С тех пор прошло пять лет, но пока ничего похожего на такой разворот во внешней политике Сербии не случилось. Скорее наоборот, Белград согласился на многие уступки по Косову, продолжил сближение с ЕС и НАТО, а вот на российском направлении все осталось как было. То есть определенное сотрудничество, конечно, есть, но идет оно по тому же самому ограниченному кругу вопросов, что и при президенте Тадиче.

По-другому и быть не могло. Сербские разговоры о невиданной благодати, которую может дать их стране дружба с Россией, всегда очень эмо-



циональны, но никогда не содержат конкретных подробностей. Вопрос о том, что именно Сербия и Россия реально могут предложить друг другу, стараются так прямо не формулировать, потому что ответ на него не слишком приятен для обеих сторон. Во-первых, совсем немного. А во-вторых, что могли, то уже давно предложили, и добавить туда что-то новое будет затруднительно.

По сути, все основные направления сотрудничества России и Сербии, актуальные до сих пор, были собраны в одной сделке, которую стороны заключили еще в январе 2008 года. Сделке масштабной и многослойной, но всего одной. И ничего принципиально нового к ней с тех пор не прибавилось.

Тогда Москва и Белград договорились передать российской «Газпромнефти» 51 % акций сербской нефтегазовой госмонополии «НИС» за 400 млн евро в деньгах и еще 550 млн евро в последующих инвестициях. Получив контроль над одним из крупнейших предприятий Сербии, Россия согласилась в ответ оказать сербам несколько важных неформальных услуг. Сделка о «НИС» была заключена накануне второго тура выборов президента Сербии, и благодаря успеху на переговорах с Москвой прозападный президент Борис Тадич смог тогда переизбраться, обойдя пророссийского кандидата Томислава Николича. Николич сможет выиграть президентские выборы у Тадича только в 2012 году<sup>3</sup>.

А еще через пару недель, в феврале 2008 года, Косово официально провозгласило свою независимость, но благодаря поддержке Москвы Белград мог не беспокоиться о том, что его отделившуюся провинцию примут в ООН как полноценное государство.

На этих трех китах с тех пор и стоит российско-сербская дружба. Сербы пускают в свой энергетический сектор российских инвесторов; Москва блокирует в ООН антисербские инициативы — от приема Косова до резолюции по Сребренице; политики с обеих сторон повышают себе рейтинг, эксплуатируя популярную идею православно-славянского братства.

Тратить силы на то, чтобы выйти за эти рамки, неинтересно ни одной из сторон, потому что необходимые вложения (и экономические, и политические) вряд ли получится отбить. Сделка с «НИС» действительно получилась довольно удачной: нефтегазовые компетенции России совпали с благожелательным отношением правительства Сербии, которое выразилось в налоговых и акцизных привилегиях. В результате когда-то безнадежно убыточная компания модернизировалась, вышла в плюс и остается такой до сих пор, несмотря на падение нефтяных цен. «Газпромнефть» получила крупнейший зарубежный актив, чья выручка от продаж составляет 8 % от выручки материнской компании, а сербское правительство — одного из крупнейших в стране налогоплательщиков<sup>4</sup>.

Со своими подразделениями в Боснии и Болгарии «НИС» могла бы стать неплохой основой для российской экспансии в балканскую энергетику. Но не стала, потому что дружбы с отдельно взятой Сербией оказалось недостаточно, чтобы реализовать главный балканский мегапроект России — газопровод «Южный поток», вокруг которого должны были группироваться остальные приобретения в отдельных странах. Поэтому 8 % от выручки «Газпромнефти» теперь, скорее всего, потолок, который почти невозможно пробить в небольшой и небогатой стране со стагнирующей экономикой — только в 2016 году реальный ВВП Сербии смог снова достичь докризисного уровня 2008-го.

Повторить успех «НИС» в других отраслях сербской экономики у России не получилось, несмотря на огромное количество переговоров на эту тему на самом высшем уровне. В 2009 году Россия почти с нуля превратилась для Сербии в крупнейшего инвестора: из всех прямых иностранных инвестиций в Сербию в том году около 30 % были российские. Но это был разовый эффект от одной большой сделки по «НИС». Уже в следующем, 2010 году доля России в притоке прямых иностранных инвестиций в Сербию упала до 1 % и с тех пор принципиально не изменилась. В 2014-м это было 4,9 %, в 2015-м — 4,6 %, в 2016-м — 3,9 %. Доля, несопоставимая с Евросоюзом, на который приходится 70–80 % прямых инвестиций в Сербию<sup>5</sup>.

За время бесчисленных встреч на высшем уровне руководства России и Сербии называли огромное количество совместных проектов, которые должны были оживить экономическое сотрудничество двух стран. Но в них всегда оказывалось гораздо больше политики, чем экономики, поэтому с реализацией неизбежно возникали проблемы.

Например, широкую известность приобрел кредит в 800 млн долларов, который Россия обещала выделить Сербии на модернизацию железных дорог. Эта цифра до сих пор кочует из статьи в статью, доказывая, как много готов потратить Кремль ради сохранения своего влияния на Балканах. Переговоры об этом кредите начались еще в 2009 году — проект отлично вписывался в концепцию железнодорожно-православной экспансии, которую продвигал тогдашний глава «РЖД» Владимир Якунин.

С тех пор согласования все идут и идут, о них регулярно вспоминают по случаю очередного визита, но в реальности на конец первого полугодия 2016 года Россия выделила на сербские железные дороги всего 162 млн из обещанных 800 млн долларов. Это за семь лет, большая часть из которых была для российских финансов вполне благополучной. Понятно, что в будущем темпы выделения этих денег, скорее всего, снизятся еще сильнее<sup>6</sup>.

---

**Все основные направления сотрудничества России и Сербии, актуальные до сих пор, собраны в одной сделке — «Газпрома» с «НИС», заключенной в январе 2008 года.**

---



---

**Сотрудничество с РФ — единственная сфера, где националистические политики Сербии могут как-то проявить свой национализм.**

---

При этом железные дороги не худший пример. У многих проектов судьба еще печальнее. «Интер РАО ЕЭС» в 2008 году планировала построить в Сербии электростанций на общую сумму 2 млрд евро — не построено ничего. В 2009 году говорили о проекте строительства в Сербии российской АЭС — тоже не сбылось. В 2012-м Уралвагонзавод собирался приобрести сербский сталелитейный завод «Железара Смедерево». И здесь ничего не получилось, нуждающийся в гигантских инвестициях комбинат в итоге купили китайцы<sup>7</sup>.

Со стороны Сербии тоже хватает провалившихся проектов сотрудничества. Хотя соглашение о свободной торговле, которое Москва заключила еще в 2000 году с Милошевичем, содержит множество самых разнообразных изъятий, от автомобилей до куриного мяса<sup>8</sup>, сербское руководство активно обсуждало планы завалить российский рынок «фиатами», которые они собирают в Крагуеваце. Не вышло, завод сейчас на грани закрытия. Также у Сербии не получилось воспользоваться продуктовым эмбарго, которое Москва ввела для стран ЕС и других государств, присоединившихся к санкциям против России. Сербский экспорт в Россию подрос по некоторым позициям (яблоки, сыр), но в целом все равно сокращается: российская доля в общем объеме упала с 7,2 % в 2013 году до 5,3 % в 2016 году<sup>9</sup>. Для сравнения: доля стран ЕС в сербском экспорте (включая Хорватию) за тот же период выросла с 62,7 до 66,1 %.

Не лучше ситуация с импортом из России в Сербию. Около 70 % из него — углеводороды, поэтому и тут доля России в общем объеме сербского импорта сократилась с 9,2 % в 2013 году до 7,8 % в 2016-м (у ЕС и здесь рост с 61,9 до 63,1 %). Мало того, сокращаются не только стоимостные, но и физические объемы импорта из России в Сербию. Главный товар российского экспорта — природный газ — обеспечивает всего 12 % сербского потребления энергии от первичных источников, а объемы его закупок Сербией в 2013–2016 годах упали с 2 до 1,7 млрд кубометров<sup>10</sup>. Две постсоциалистические экономики со схожими проблемами мало что могут предложить друг другу. Тем более Россия не готова тягаться с Евросоюзом по масштабам и степени проработанности программ финансовой помощи: с 2000 года суммарный объем субсидий Сербии от стран ЕС превышает 3,5 млрд евро.

Однако, несмотря на все эти провалы и сокращения, руководство двух стран продолжает встречаться самым активным образом, а после очередных переговоров торжественно рассказывает о старом и новом громаде совместных планов.

Зачем нужны эти пустые встречи, пустые планы? Затем, что эти встречи и планы сами по себе ценны для их участников — даже без последую-

щей реализации. Это работа на внутреннюю аудиторию — в основном на сербскую, но и на российскую тоже.

Москва таким образом показывает размах своего геополитического влияния, доказывает, что и в Европе у нее есть близкие союзники. Когда в 2014 году, после событий в Крыму и Донбассе, президента Путина не очень звали в европейские столицы, он мог спокойно поехать в Белград посмотреть парад — тоже столица и тоже в Европе. Или осенью 2016 года в Сербию приезжала делегация крымских чиновников — вроде как зазывать на полуостров инвесторов. Понятно, что никаких инвесторов в Сербии нет, но тут важен сам факт поездки в Европу людей, которые во многих странах находятся под санкциями<sup>11</sup>.

Для сербских политиков встреча с российскими руководителями, особенно из силового блока и тем более с самим Владимиром Путным, — это автоматически резкий рост рейтинга. А если после встречи удастся сформулировать что-нибудь про сотрудничество, то совсем замечательно. Поэтому для сербской стороны нет ничего страшного в том, что железнодорожный кредит обсуждается уже семь лет. Наоборот, удобно: каждый раз после переговоров можно радовать избирателя рассказами о том, что удалось договориться о щедрой помощи от России, которая вот-вот прибьет.

Образцовый пример такой встречи ради встречи — визит сербского тогда еще премьера Вучича в Москву в марте 2017 года для переговоров с президентом Путиным. Стороны не договорились ни о чем. С точки зрения отношений двух государств не было никакой необходимости устраивать встречу на таком высоком уровне. Причины поездки исключительно внутривластные: в начале апреля в Сербии прошли президентские выборы, в которых участвовал Вучич. А для победы нет ничего лучше, чем получить благословение от самого популярного среди сербов политика — Владимира Путина. Вучич сам сказал об этом практически прямым текстом, похваставшись перед поездкой, что встречался с Путиным целых девять раз — больше, чем все остальные кандидаты в президенты, вместе взятые. Расчет оказался верным, президентские выборы Вучич выиграл уже в первом туре<sup>12</sup>.

Для националистических политиков типа нынешнего президента Вучича или бывшего президента Николича такие встречи важны вдвойне, потому что сотрудничество с Россией — единственная сфера, где они могут хоть как-то проявить свой сербский национализм. Эти политики многие годы критиковали своих предшественников за излишнюю прозападность и предательство сербских интересов, но, придя к власти, сами столкнулись с тем, что пространство для внешнеполитических маневров у Сербии жестко ограничено. Россия не хочет и не может заменить для Сербии Евросоюз и НАТО, поэтому националисты во власти, по сути, продолжили курс своих прозападных предшественников. Они идут на

уступки по Косову, ведут переговоры о вступлении в ЕС, все больше сотрудничают с НАТО. И единственный для них способ как-то ослабить контраст между риторикой и реальными действиями — максимально демонстративная дружба с Россией.

Во многом отсюда растет военное сотрудничество Белграда с Москвой. Если брать чистую статистику, то Сербия проводит совместные военные учения с США и странами НАТО более чем в 10 раз чаще, чем с Россией. Но по количеству шума, который эти учения вызывают и в сербских, и в мировых СМИ, Россия опережает НАТО с большим преимуществом<sup>13</sup>.

Объясняется это тем, что Североатлантический альянс в Сербии чрезвычайно непопулярен. Согласно опросам, около 80 % сербов выступают против вступления страны в НАТО. Россия, наоборот, пользуется большой любовью: более 70 % сербов одобряют союз с русскими. На сотрудничестве с НАТО голоса можно только потерять, на дружбе с Россией — легко заработать. Вот и приходится сербскому правительству создавать видимость, что работа на российском направлении идет вовсю, а на западном — так, немного, по необходимости<sup>14</sup>.

Тем же имиджевым целям служит и приобретение Сербией российских вооружений. Когда в конце 2016 года Москва безвозмездно передала Белграду шесть истребителей МиГ-29 и тридцать танков Т-72, это с таким энтузиазмом освещалось в сербских СМИ, что в Хорватии стали всерьез опасаться сербского вторжения. Но в реальности Сербии придется потратить еще несколько сотен миллионов евро, чтобы модернизировать эти устаревшие модели и интегрировать их в свои вооруженные силы. И нужны они сербским лидерам для того, чтобы подтвердить свою репутацию националистов и русофилов, а совсем не для самоубийственной атаки на входящую в НАТО Хорватию<sup>15</sup>.

Тесное сотрудничество с НАТО важно для Сербии, потому что она по-прежнему сталкивается с реальными угрозами безопасности, и ОДКБ или просто Россия не могут помочь ей в этих вопросах. Из-за распада Югославии у Сербии в соседних странах оказались крупные сербские меньшинства, которые находятся в очень напряженных отношениях с другими этносами. Россия окончательно вывела своих миротворцев с Балкан еще в 2003 году, и сейчас не допустить нового витка этнического насилия — скажем, против сербского меньшинства в Косове — может только размещенный там контингент НАТО<sup>16</sup>.

Несмотря на некоторый прогресс в урегулировании, ситуация в Косове по-прежнему такая, что роль внешнего гаранта безопасности там совсем не символическая. В Белграде осознают, что в нынешней международной ситуации у них нет других способов гарантировать сербским меньшинствам хотя бы минимальную безопасность, кроме как сотрудничать с НАТО. Получается удивительный балканский парадокс: главными про-

тивниками вывода натовского контингента из Косова сейчас оказались те же самые сербские политики, которые были у власти в 1999 году и проклинали НАТО за бомбардировки, обещая стоять до конца.

НАТО, со своей стороны, тоже не может игнорировать Сербию: без нее невозможно окончательно урегулировать многочисленные постъюгославские конфликты. Боснийские мусульмане и хорваты из всех сил стремятся в НАТО. Недавно в Альянс вступила Черногория. Но местные сербские меньшинства, которые составляют около трети населения этих стран, выступают резко против. Они по-прежнему воспринимают НАТО как антисербскую организацию. Изменить такое отношение можно только одним способом — сближением НАТО с самой Сербией. Поэтому выбор тут небольшой: или сковать все враждующие югославские этносы дисциплиной единого военного блока, или оставить все как есть — и противостояние сербов и несербов будет тлеть и дальше сразу в нескольких странах<sup>17</sup>.

Стараясь делать это как можно тише и незаметнее, подчеркивая на каждом шагу свой нейтралитет и дружбу с Россией, Сербия сотрудничает с НАТО так тесно, как только возможно без формального вступления. Ежегодно сербские вооруженные силы проводят несколько сотен совместных военных мероприятий со странами НАТО. В 2015 году Белград согласовал с Альянсом индивидуальный план действий партнерства. В 2016 году сотрудники НАТО получили свободу передвижения по Сербии и дипломатический иммунитет<sup>18</sup>. В ответ на постоянную системную работу, которую Сербия ведет с НАТО, Россия может предложить лишь малозначительные символические жесты: подарить Белграду несколько старых истребителей и танков, провести пару совместных учений «Славянское братство» или открыть гуманитарный центр российского МЧС в Нише.

Последний вызывает немало беспокойства на Западе: периодически Москву обвиняют в том, что она планирует превратить этот центр в базу для своих спецслужб на Балканах. Однако эти опасения выглядят преувеличенными: иначе руководство центра не пускало бы к себе на экскурсии западных журналистов и дипломатов, а Белград вряд ли смог бы с такой легкостью уже более пяти лет уклоняться от российских требований предоставить центру привилегированный статус<sup>19</sup>. Россия, конечно, недовольна тем, что Сербия так активно сближается с НАТО. Но Москва не видит в этом для себя непосредственной угрозы и не демонстрирует готовности активно этому противодействовать. Для защиты геополитической чести России приходится реагировать на новые шаги НАТО в Сербии и пытаться выкроить что-нибудь символическое и для себя. Например, добиться дипломатического статуса для российских сотруд-

---

**В Белграде осознают: кроме сотрудничества с НАТО нет других способов гарантировать безопасность сербам в соседних странах.**

---

ников гуманитарной базы в Нише или убедить сербские власти провести общенациональный референдум о вступлении в НАТО. Белград может позволить себе спокойно игнорировать такие предложения, потому что они не сопровождаются серьезным давлением и нужны в основном для того, чтобы не молчать в ответ на очередное усиление НАТО на Балканах. Нельзя же считать серьезным давлением показушное соглашение о борьбе за нейтральные Западные Балканы, которое «Единая Россия» подписала с несколькими маргинальными партиями Сербии.

---

**Даже националисты в правительстве Сербии не видят жизнеспособных альтернатив тесному сотрудничеству с НАТО.**

---

На переговорах с российским руководством сербские лидеры прямым текстом заявляют, что интеграция в Евросоюз — главный приоритет внешней политики Сербии, независимо от того, насколько отдаленной остается перспектива вступления. Российская сторона публично никогда не высказывала возражений против такой цели. Москве неинтересно заниматься многочисленными политическими и военными проблемами Сербии, ее больше привлекает работа в отдельных секторах сербской экономики, рост которой стимулирует евроинтеграция.

Естественно, сказать то же самое вслух про сотрудничество с НАТО сербы пока не могут. Это означало бы для Сербии слишком резкий разрыв с Россией. Москва могла бы воспринять такой разворот как демонстративное унижение и ответить каким-нибудь непредсказуемым образом. Поэтому более вероятно медленное и внешне не очень заметное охлаждение отношений.

Собственно, оно уже идет. Москва явно недовольна тем, что Александр Вучич отказался предоставить дипстатус российской гуманитарной базе МЧС в Нише, или тем, как охотно он сотрудничал с черногорским лидером Мило Джукановичем, когда тот обвинил Россию в подготовке в Черногории государственного переворота. Неприятным для Москвы решением было и то, что новым премьер-министром Сербии стал не пророссийский Ивица Дачич, а прозападная Ана Брнабич.

Запад, в свою очередь, тоже раздражен тем, как сербское руководство совмещает прозападный внешнеполитический курс с бурной пророссийской риторикой. Представители США уже прямым текстом требуют от Белграда определиться с приоритетами и перестать превозносить достоинства от сотрудничества с Россией, когда основная финансовая поддержка приходит к ним от Запада.

Теперь, когда Вучич одержал разгромную победу на президентских выборах, еще больше усилив контроль над госаппаратом и сербским общественным мнением, пересмотр отношений Сербии с Россией в обмен на продвижение в евроинтеграции стал еще более вероятным. Хотя происходить этот пересмотр практических вопросов, скорее всего, будет под символические жесты дружбы и разговоры о славянском братстве.



Ворчание Москвы — ерунда на фоне реальных проблем, которые неизбежно возникнут в результате расширения контактов между Сербией и НАТО. Да, даже националисты в сербском правительстве не видят в нынешней международной ситуации жизнеспособных альтернатив тесному сотрудничеству с Альянсом. Да, Россия не готова всерьез, а не на словах вкладываться в борьбу с влиянием Запада на Балканах. Но есть еще сербское общество, около 80 % которого выступает против вступления их страны в НАТО.

Эти 80 % и есть главное препятствие не только для вступления Сербии в Альянс, которое в любом случае маловероятно в ближайшие годы, но и просто для развития сотрудничества между ними. Причем эта массовая неприязнь появилась не из-за российских интриг и пропаганды, подрывающей веру сербов в западные ценности, а стала закономерным результатом гражданской войны 1990-х годов и той роли, которую играли в ней Запад и НАТО.

НАТО бомбило Сербию не так давно, в 1999 году, и абсолютное большинство сербов уже достаточно взрослые люди, чтобы не нуждаться в напоминаниях Sputnik и RT о тех событиях: они сами все видели. А чтобы сербская память о тех днях не тускнела, ее регулярно освежают вердикты Гаагского трибунала, который за последние несколько лет успел дать по сути пожизненные сроки боснийским сербам Радовану Караджичу и Ратко Младичу, но полностью оправдать других одиозных персонажей вроде хорвата Анте Готовины и боснийского мусульманина Насера Орича. Не дают забывать о национальном унижении и регулярные успехи Косова на пути к полному международному признанию.

Абсолютное большинство сербов не испытывает ностальгии по временам Слободана Милошевича. В опросе о лучшем правителе Сербии его поддержали всего 3 %. В силовых методах решения межэтнических проблем сербы тоже давно разочаровались. Защищать права сербских меньшинств в других странах с оружием в руках сейчас готовы всего 6 %. А под сербским возмущением из-за потери Косова часто скрывается чувство облегчения, вызванное тем, что стране удалось избавиться от проблемной провинции и ее беспокойных жителей. Против переговоров с Приштиной выступают всего 9 % сербов<sup>20</sup>.

Но это все равно не отменяет у сербов чувства того, что Запад поступил с ними несправедливо. Что на них без разбора повесили всю вину за войну, которая все-таки была гражданская. Что Гаагский трибунал из суда над военными преступниками превратился в суд победителей над побежденными. Что в 1990-е годы Запад настолько последовательно занимал антисербскую сторону во всех югославских конфликтах, что сербы проиграли войну не хорватам, боснийским мусульманам или косовским албанцам — они проиграли ее НАТО. К тому же потерпеть поражение от целого НАТО гораздо менее унижительно.

Трудно симпатизировать организации, которую считаешь своим противником в недавно закончившейся войне. Поэтому большинство сербов уверены, что вступление их страны в НАТО было бы окончательной капитуляцией в этом противостоянии, полным и необратимым унижением сербского национального достоинства.

Но главное, среди самых убежденных противников НАТО много бывших и нынешних сербских силовиков. Типичный пример — генерал Братислав Дикич, которого обвиняют в том, что он вместе с русскими агентами готовил путч в Черногории. Пока неизвестно, насколько обоснованы выдвинутые против него обвинения, но идеологический профиль арестованного генерала сомнений не вызывает. Дикич был награжден еще при Милошевиче за операции в Косове, много лет командовал сербской жандармерией, в 2015 году был отправлен в отставку, после чего возглавил небольшую политическую партию, борющуюся против сотрудничества Сербии с НАТО.

С таким сочетанием боевого опыта, связей в силовых структурах, доступа к оружию и жестких антизападных убеждений создать серьезные проблемы для действующей власти можно и без помощи иностранных спецслужб. В 2003 году премьер Зоран Джинджич был убит не в результате международных заговоров, а из-за внутрисербских конфликтов. Последние утечки об иностранном вмешательстве в черногорский и македонский кризис, если они соответствуют действительности, тоже говорят о тесном сотрудничестве российских агентов с радикальными сербскими националистами.

Сейчас Вучич осознанно пытается подать себя Западу как второго Джинджича — убежденного проевропейского лидера, которому угрожают мрачные силы из сербских силовых и криминальных структур. Он заявляет о готовящихся против него заговорах настолько часто, что это уже не вызывает особого доверия. Тем более что за громкими заявлениями не следуют аресты и суды. Однако желание сербского руководства преувеличить угрозу, чтобы снизить требования ЕС на переговорах, еще не означает, что такой проблемы в Сербии нет. Готовил генерал Дикич путч в Черногории или нет, но людей с таким мировоззрением и опытом хватает в сербских силовых структурах. И какой-нибудь недостаточно продуманный шаг Белграда навстречу Западу может спровоцировать их на попытку силой изменить внешнюю политику Сербии.

Готовность Москвы ввязываться в рискованные затеи за рубежом в последние годы заметно выросла, но тут поддержка возможного заговора сербских ультранационалистов не принесла бы ей особых выгод — особенно на фоне того, что любое сербское правительство и так вынуждено очень трепетно относиться к российским интересам. Максимум, чего могут добиться такие заговорщики, — на некоторое время дестабилизировать Сербию, спровоцировать беспорядки. Но долгосрочный внешнепо-

литический курс страны от этого не изменится. Пророссийская Сербия, которая была бы не символическим наблюдателем при парламентской ассамблее ОДКБ, а полноценным участником российских интеграционных группировок, — это утопия.

Все серьезные политические партии Сербии, несмотря на симпатии к России, поддерживают курс на сотрудничество страны с западными структурами. И российские власти никогда не возражали против европейского выбора Сербии. Такой выбор Белграда не создает принципиальных противоречий с представлениями о традиционных сферах влияния, которые до сих пор склонны разделять в Москве. Югославия не входила ни в СЭВ, ни в Варшавский договор даже во времена холодной войны. Тем более Москва вряд ли станет всерьез влезать туда сейчас, рискуя спровоцировать ответное усиление западной активности на гораздо более важном для нее постсоветском пространстве.

## Черногория

Случай Черногории — самый показательный для анализа российской активности на Западных Балканах. Несмотря на тесные исторические и экономические связи с Россией, эта страна первой вступила в НАТО в июне 2017 года после долгого, почти десятилетнего перерыва в расширении Альянса. При этом наиболее активный этап переговоров пришелся на годы после украинского кризиса, породив разнообразные спекуляции относительно шагов, на которые готова Россия, чтобы не допустить вступления Черногории в НАТО.

Называли самые разные возможные варианты российского вмешательства. Например, Москва якобы предлагала Черногории несколько миллиардов долларов инвестиций, если та пустит к себе на побережье российскую военную базу. Или, наоборот, Кремль якобы угрожал черногорцам вторжением сил специальных операций — «вежливых людей» — тоже ради базы. В более мягких вариантах обвинений утверждалось, что Москва инвестировала миллионы долларов в пророссийскую оппозицию, чтобы та пришла к власти и остановила интеграцию страны в НАТО.

Наконец, в начале 2017 года власти Черногории официально обвинили Россию в том, что в октябре 2016-го она совместно с сербскими националистами пыталась организовать в Черногории заговор, убить главу правительства, силой сменить власть. Целью готовившегося переворота было как минимум не допустить вступления Черногории в НАТО, а как максимум — превратить страну в послушный сателлит РФ, орудие дестабилизации всего региона.

Москва обвинения Подгорицы отвергла. Тем не менее фактом является резкое ухудшение в последние годы российско-черногорских от-



ношений. Они испортились настолько, что стали для Запада одним из главных источников беспокойства относительно российских планов во всем регионе. Связано это прежде всего с тем, что после украинского кризиса НАТО стремится продемонстрировать, что вопрос его дальнейшего расширения не закрыт и Альянс готов принимать в свои ряды новые государства, даже если это вызывает недовольство Москвы. Черногория подходила для такой демонстрации лучше других: тут сошлись и небольшие размеры страны, что снижало расходы на интеграцию, и историче-

ские связи с Россией, и готовность местных лидеров рискнуть своими отношениями с Москвой ради вступления в НАТО, которое в регионе считают обязательным этапом на пути в Евросоюз.

---

**Отношения РФ и Черногории настолько испортились, что заставили Запад беспокоиться о планах России в регионе.**

---

С первых дней украинского кризиса черногорское руководство не стало юлить и отмалчиваться, а максимально громко и прямо заявило о своей резко критической позиции по отношению к действиям России.

В отличие от Сербии, Македонии или Боснии и Герцеговины Черногория еще в марте 2014 года присоединилась к первым же антироссийским санкциям Евросоюза. На заседании Генассамблеи ООН по вопросу Крыма Черногория, опять же в отличие от соседей, не стала воздерживаться и проголосовала против России. А в апреле 2014 года многолетний лидер страны Мило Джуканович отправился с официальным визитом в Вашингтон, где призвал НАТО как можно скорее расширяться, чтобы достойно ответить на новые вызовы, связанные с украинским кризисом.

С тех пор Черногория присоединялась ко всем пакетам европейских санкций, регулярно подчеркивая, как дорого ей обходится такая последовательная прозападная позиция. Ведь Россия давит на нее за это со всех сторон: через православную церковь, оппозиционные партии, неправительственные организации.

В январе 2015 года черногорские СМИ активно обсуждали так и не подтвердившиеся утечки о том, что в 2013 году Россия требовала от Черногории пустить к себе российскую военную базу, — видимо, взамен сирийской, у которой в тот момент были очень туманные перспективы. Однако и российские, и черногорские власти неоднократно опровергали эти слухи. В декабре 2013 года с опровержениями выступили российский посол в Черногории Андрей Нестеренко и министр обороны Черногории Милица Пеянович-Джуришич<sup>21</sup>. В январе 2015 года, когда публикации в СМИ опять вернули тему на повестку дня, факт подобных переговоров еще раз опроверг министр иностранных дел Черногории Игорь Лукшич<sup>22</sup>.

И Москва, и Подгорица говорят о том, что в декабре 2013 года речь шла только о разрешении на временный заход российских военных судов в черногорские порты для дозаправки и снабжения. Дело происхо-

дило еще до начала украинского кризиса, но уже тогда Россия получила от Черногории отказ. Хотя ничего сверхъестественного в таких просьбах не было: некоторые страны НАТО, например Испания или Греция, в аналогичной ситуации отвечали Москве согласием даже после событий в Крыму и Донбассе.

Следующим основанием для обвинений Москвы во вмешательстве во внутренние дела Черногории стали антиправительственные протесты в Подгорице в октябре 2015 года. Правительство Джукановича тогда описывало эти митинги как «антинатовские», таким образом указывая на прямую заинтересованность России в их организации. Однако в реальности ситуация была гораздо более сложной.

В октябре 2015 года, когда протесты были многотысячными, пользовались массовой поддержкой населения и представляли реальную угрозу для кабинета Джукановича, тема НАТО оставалась где-то на третьем плане. А главным лозунгом протестующих было требование отставки Джукановича и формирования правительства национального единства для проведения свободных выборов. «Протестный меморандум» с этим требованием подписали 125 общественных деятелей Черногории, среди которых были либеральные журналисты, прозападная интеллигенция, представители диаспоры и даже ЛГБТ-активисты. Было бы странно подозревать этих людей в работе на Кремль<sup>23</sup>.

Интерес Москвы к происходящему стал заметен только после пика митинговой активности и жесткого разгона протестующих 24 октября. На российском телевидении появились репортажи из уже затихающей Подгорицы, в которых протесты подавались как сопротивление народа Черногории интеграции страны в НАТО, а в конце ноября 2015 года некоторые лидеры черногорской оппозиции совместно с депутатами Госдумы приняли участие в круглом столе на тему урегулирования черногорского кризиса.

Дальше протесты в Черногории пошли на убыль. Многие политики, в том числе более умеренные участники пророссийского «Демократического фронта», ушли с улиц на переговоры с властями, безуспешно пытаясь договориться о формировании переходного правительства для проведения свободных выборов<sup>24</sup>.

А наиболее радикальная часть лидеров протеста — Андрия Мандич, Милан Кнежевич — выдвинули на первый план антинатовские лозунги и в последующие месяцы митинговали прежде всего против вступления Черногории в Альянс. Не исключено, что такой пересмотр приоритетов произошел не без влияния Москвы, потому что именно в это время Мандич и Кнежевич начинают гораздо чаще общаться с представителями российских властей. В дальнейшем эти контакты позволили Джукановичу обвинить уже весь «Демократический фронт» — крупнейшую оппозиционную коалицию Черногории — в том, что его изби-

рательная кампания перед парламентскими выборами 2016 года проводится на кремлевские деньги.

Наконец, провалившийся в октябре 2016 года антиправительственный заговор, в организации которого черногорские власти подозревают российских граждан, стал кульминацией обвинений Москвы в беспрецедентном давлении<sup>25</sup>.

Российское руководство действительно выступает резко против любого нового расширения НАТО. Каждое очередное расширение создает инерцию дальнейшей экспансии, которая в конечном счете может распространиться на самую чувствительную для Москвы зону — постсоветское пространство.

Но это еще не значит, что Россия видит в расширении НАТО на сравнительно далеких Балканах угрозу достаточно сильную, чтобы противодействовать этому расширению столь же активно, как в случае с Грузией или Украиной. Поэтому всегда непросто определить, где проходит граница между реальным давлением России на Черногорию и желанием черногорской правящей партии во главе с Джукановичем изобразить себя единственной силой, способной не дать Черногории превратиться в сателлит Москвы.

Практическая реакция России на вступление Черногории в НАТО оказалась куда менее бурной, чем можно было ожидать. Претензии российских санитарных служб к черногорскому вину, официальное обращение МИД<sup>26</sup> к россиянам с рекомендацией не ездить в Черногорию и черный список некоторых черногорских политиков появились только весной 2017 года, когда вопрос о вступлении уже был решен окончательно. А до этого недовольство Москвы проявлялось только в критических высказываниях высоких чиновников и нескольких репортажах в государственных СМИ с негативными отзывами о качестве черногорских курортов<sup>27</sup>.

Надо иметь в виду, что при желании Россия как ведущий инвестор в черногорскую экономику и крупнейший источник турпотока в эту страну имела все возможности оказать очень серьезное давление на Подгорицу еще в ходе переговоров о вступлении в Альянс.

Туризм — основа черногорской экономики, обеспечивающая более 20 % ВВП страны. Большая часть отдыхающих уже много лет приезжает в Черногорию из России, и обострение отношений из-за вступления в НАТО тут мало что изменило. В 2016 году, через два года после того, как отношения двух стран совсем испортились, на российских граждан по-прежнему приходилось более четверти всех человеко-ночей, проведенных иностранными туристами в Черногории<sup>28</sup>.

Конечно, Москве было бы затруднительно официально запретить своим гражданам отдыхать в Черногории. Но можно было бы, например, ввести визовый режим, как в 2000 году с Грузией. Скорее всего, Черногории

пришлось бы ответить тем же, что неизбежно снизило бы поток российских туристов. Или еще проще: поступить как с Турцией в 2015–2016 годах. Мощная пропагандистская кампания в СМИ, сигнал туроператорам, неформальные ограничения на авиарейсы — и российский туризм в Турцию почти исчез в течение нескольких недель, хотя масштабы там были в разы больше черноморских. Это ли не эффективный способ оказать давление на страну, которая принимает не устраивающие Россию решения? Но никаких реальных ограничений на отдых в Черногории Москва так и не ввела. В июне 2017 года, когда Черногория официально стала членом НАТО, российские отдыхающие по-прежнему оставались на первом месте среди иностранных туристов, обеспечивая 25,2 % от всех человеко-ночей, проведенных в стране иностранцами<sup>29</sup>.

Также Россия, несмотря на незначительную роль во внешней торговле Черногории (0,7 % экспорта и 0,2 % импорта), остается одним из крупнейших инвесторов в черноморскую экономику, в основном через покупку недвижимости. Из-за подешевевшей нефти и общего экономического спада активность России на этом направлении снизилась по сравнению с пиковыми значениями 2012 года, однако в 2016 году она по-прежнему была на первом месте: 28 % от суммарного притока прямых иностранных инвестиций<sup>30</sup>.

И опять для российской экономики эти потраченные на квартиры несколько десятков миллионов евро не имеют принципиального значения. Тем более что потрачены они в основном чиновниками и работниками силовых структур, то есть людьми во многом подневольными. А для Черногории любые ограничения, введенные Россией в этой области, означали бы серьезный спад в строительной отрасли, которая дает 10 % ВВП. Но за три года конфликта таких ограничений Москва так и не ввела.

К российскому давлению через инвестиции можно попытаться притянуть конфликт вокруг алюминиевого завода КАР — когда-то крупнейшего предприятия Черногории. В масштабном споре, разгоревшемся между черноморским правительством и структурами Олега Дерипаски, речь действительно идет о сотнях миллионов евро, но политического подтекста в нем не просматривается.

Российский олигарх приобрел черноморский завод в ходе приватизации в 2005 году, на заре непродолжительной экономической экспансии России на Балканы. Конфликт с местными властями возник у новых собственников почти сразу — еще до того, как Черногория озаботилась вступлением в НАТО. Судебные процессы тянутся уже много лет и проходят в западных арбитражных судах, так что Кремль, если и хотел бы, вряд ли может повлиять на их исход. Даже сам Джуканович, который

---

**Практическая реакция РФ на вступление в НАТО Черногории оказалась куда менее бурной, чем можно было ожидать.**

---

любит валить на Москву все свои проблемы, не связывает споры вокруг КАР с вступлением Черногории в НАТО <sup>31</sup>.

С другой стороны, те методы давления, в использовании которых обвиняют Москву, крайне ненадежны и вряд ли способны поменять внешнеполитический курс Подгорицы с прозападного на пророссийский. На-

---

**Основные политические партии  
черногорских сербов хоть и искренне  
пророссийские, тем не менее  
поддерживают евроинтеграцию.**

---

пример, одна из главных претензий к России состоит в том, что Москва поддерживает черногорскую оппозицию. И действительно, в 2016 году наиболее радикальные лидеры оппозиционной коалиции Черногории «Демократический фронт» Андрия Мандич и Милан Кнежевич несколько раз встречались с высокопоставленными представителями «Единой России» вплоть до Сергея Нарышкина, когда он еще занимал пост спикера Госдумы. Мало того, «Демократический фронт» заключил с «Единой Россией» соглашение о сотрудничестве в борьбе с расширением НАТО на Балканах.

«Единая Россия» — партия правящей бюрократии, так что встречи ее лидеров с представителями черногорской оппозиции в принципе указывают на повышенное внимание к ним Москвы. Однако Кремль активно использует «Единую Россию» для налаживания контактов и сотрудничества с идеологически близкими партиями по всей Европе, а не только на Балканах.

К тому же пока нет доказательств того, что российская поддержка черногорской оппозиции вышла за пределы чисто риторической. Несмотря на все разговоры о финансовой помощи Москвы, результаты «Демократического фронта» на парламентских выборах в 2016 году оказались хуже, чем на предыдущих. Сократилось и абсолютное количество голосов, отданных за коалицию, и набранный процент (с 23 % в 2012-м до 20 % в 2016 году), и количество полученных мест в парламенте (с 20 до 18). Если учесть, что на выборах 2016 года проголосовало всего 390 тысяч человек, а средняя зарплата в Черногории составляет около 500 евро, то будь у Москвы действительно желание инвестировать десятки миллионов евро в черногорскую оппозицию, это, скорее всего, оказало бы гораздо более заметное влияние на результаты.

Хотя даже в этом случае приход к власти партий черногорских сербов во главе с «Демократическим фронтом» совершенно не означал бы, что внешнеполитический курс Черногории принципиально изменится. Основные партии черногорских сербов хоть и искренне пророссийские, тем не менее тоже поддерживают евроинтеграцию. Их лидеры осознают, что Россия не может и не хочет становиться для Черногории реальной альтернативой Евросоюзу: обеспечивать ей безопасность, улаживать вопросы с этническими меньшинствами и беспокойными соседями, субсидировать развитие инфраструктуры и социальной сферы <sup>32</sup>.



Россия уже знает, что бывает, когда в балканских странах вроде как прозападное правительство сменяется на вроде как пророссийское. Так уже было несколько лет назад в Сербии, когда президентом там стал Томислав Николич, а премьером — Александр Вучич. Оба они выходцы из великосербской Радикальной партии Воислава Шешеля, «отчаянные борцы» с Западом и «беззаветные друзья» России. Разве можно заподозрить в прозападных симпатиях политиков, которые в 1990-х были у этого Запада в черных, санкционных списках?

Но, придя к власти, бывшие радикалы убедились, что жизнеспособной альтернативы евроинтеграции для Сербии нет. Они даже активизировали сотрудничество с ЕС и НАТО, поскольку в отличие от своих прозападных предшественников не нуждались в том, чтобы постоянно доказывать избирателям свой патриотизм. Нет никаких оснований полагать, что в Черногории аналогичная смена прошла бы как-то по-другому и внесла бы во внешнюю политику страны большие перемены, чем просто легкий сдвиг акцентов в риторике при сохранении прежнего курса на практике.

Помимо финансирования оппозиции, Джуканович обвиняет Россию и в более серьезных вещах: в том, что Москва пыталась организовать в Черногории государственный переворот, а самого Джукановича — ликвидировать, чтобы не допустить вступления страны в НАТО. 16 октября 2016 года, в день парламентских выборов, черногорские власти арестовали два десятка сербских граждан — это они, по мнению прокуратуры, должны были реализовать российский план по дестабилизации Черногории. То есть переодеться в полицейских, прийти на оппозиционный митинг, назначенный на вечер после выборов в центре Подгорицы, открыть там стрельбу, спровоцировать беспорядки, захватить административные здания и убить Джукановича. Организаторами этой попытки переворота черногорские власти называют двух сотрудников российских спецслужб — Эдуарда Шишмакова и Владимира Попова<sup>33</sup>.

В качестве доказательств прокуратура Черногории предъявляет оружие, форму, десятки тысяч евро и кодируемые мобильные телефоны, изъятые, по словам обвинения, у задержанных, записи переговоров между сербскими заговорщиками, где упоминается, например, ФСБ, фотографии, на которых российские агенты встречаются с лидером сербских заговорщиков Сашей Синджеличем, а также царицу доказательств — признательные показания семерых участников заговора. Признавшиеся подтвердили версию прокуратуры и заявили, что действовали по инструкциям из Москвы<sup>34</sup>.

Доказательств вроде бы в избытке, но именно этот избыток и вызывает немало вопросов. Например, почему черногорские власти так запросто отпустили на свободу всех признавшихся, хотя те признались в более чем серьезных преступлениях? Особенно интересен случай сербского националиста и, по всей видимости, донбасского добровольца Саши

Синджелича, который, по его собственным словам, был главным организатором со стороны сербов, получал российские деньги и оборудование и лично ездил в Москву за инструкциями.

Синджелич не был арестован в день выборов, он в это время находился в Белграде. Когда черногорская прокуратура выдвинула против него обвинения, он сам добровольно согласился приехать в Черногорию и сдать властям. Проведя в заключении около двух недель, Синджелич дал признательные показания, и ему тут же поменяли статус с обвиняемого на свидетеля и отпустили на свободу. И это несмотря на то, что вдобавок к черногорским обвинениям Синджелич был объявлен Хорватией в международный розыск: в 2012 году хорватский суд приговорил его к 21 году тюрьмы за неполитическое убийство<sup>35</sup>.

С другими признавшимися тоже не все гладко. Косовский серб Мирко Велимирович, по версии прокуратуры, должен был обеспечить заговорщиков оружием, но в последний момент передумал, уничтожил все вооружение, что успел добыть, и сдался черногорским властям накануне выборов. Вскоре он дал признательные показания, получил условный срок, заплатил штраф в 100 евро и был отпущен.

Уехав в Сербию, Велимирович заявил, что его признание было ложно и получено под давлением. Через некоторое время он опять вернулся в Черногорию и заявил, что признание все-таки было правдивым, а отрекся он под давлением. Наконец, в апреле 2017 года Велимирович попал в Косове в больницу с переломанными ребрами. Здесь больше всего удивляет даже не частая смена показаний, а то, как легкомысленно относятся черногорские власти к судьбе человека, который должен выступать ключевым свидетелем по делу о попытке госпереворота и убийства премьер-министра<sup>36</sup>.

Позднее от своих показаний отрекся еще один из признавшихся — Александар Чурович. Теперь он уверяет, что до ареста не был знаком с предполагаемыми организаторами заговора, просто после ареста ему предложили на выбор: или подписать признание и выйти на свободу через пять месяцев, или сидеть, дожидаясь суда, где ему светит до восьми лет тюрьмы. Причем пойти на сделку со следствием Чуровича, по его словам, уговаривали в том числе представители сербского посольства в Черногории. В итоге он согласился подписать признание и действительно вышел всего через пять месяцев, как еще четверо других признавшихся (они пока от показаний не отказывались)<sup>37</sup>.

Наконец, такое легкомысленное отношение к признавшимся сочетается с нежеланием черногорской прокуратуры вызывать на судебный процесс в качестве свидетелей кого-либо из них кроме Синджелича. По словам прокурора Милана Катнича, в этом нет никакой необходимости, достаточно просто их признательных показаний, которые уже получены<sup>38</sup>.

Все это заставляет вспомнить о том, что у Черногории уже был опыт раскрытия заговоров в день выборов. В 2006 году тоже прямо в день голосования черногорские власти арестовали полтора десятка албанских заговорщиков, которые якобы готовили вооруженный мятеж в приграничных с Албанией районах. Тогда громкий успех спецслужб помог премьеру Джукановичу мобилизовать избирателей и выиграть парламентские выборы. А вот последующий судебный процесс над заговорщиками получился менее ярким. Пятерых из семнадцати арестованных отпустили сразу, а остальные получили в итоге по два-четыре года и в основном вышли на свободу вскоре после вынесения приговора. Довольно гуманно для вооруженного мятежа, отягощенного этническим сепаратизмом<sup>39</sup>.

Безусловно, нестыковки в обвинении и переменчивые показания обвиняемых еще не означают, что история с попыткой переворота была полностью выдумана, а российские граждане не имеют к случившемуся никакого отношения. Фотографии и аудиозаписи, представленные черногорскими властями в сотрудничестве с западными спецслужбами, свидетельствуют об обратном. Другой вопрос — с чьей стороны изначально исходила инициатива, в каких отношениях состояли сербские заговорщики со спецслужбами Черногории и Сербии и насколько масштабным было участие российских госструктур в предполагаемом заговоре.

Балканы еще с XIX века были для русских националистов краем романтических подвигов за истинную православную веру и славянское братство. Русские добровольцы, в том числе немало выходцев из силовых структур, воевали на стороне боснийских сербов в начале 1990-х годов, когда официальная Москва охотно сотрудничала с Западом в урегулировании кризиса, поддерживая и санкции против Белграда, и бесполетную зону над Боснией, и создание Международного трибунала по бывшей Югославии. Неудивительно, если окажется, что кто-то из русских националистов, возможно связанных с какой-то частью российских спецслужб, вместе с сербскими националистами действительно готовил интригу против Джукановича — из идеологических, карьерных или еще каких-то соображений. Но маловероятно, что эта активность действительно была частью системной стратегии Кремля, направленной на то, чтобы не допустить вступления Черногории в НАТО. Против этого говорит как бесславный провал предполагаемого заговора, так и удивительное спокойствие черногорских властей во время попытки переворота — не было введено ни чрезвычайного положения, ни дополнительного контроля на границах, не стали собирать даже заседание Совета безопасности. В пользу версии о том, что российское участие в событиях в Черногории могло быть несогласованной самодеятельностью, косвенно свидетельствует отставка генерал-лейтенанта Леонида Решетникова с поста директора Российского института стратегических исследований вскоре после черногорских арестов<sup>40</sup>. Генерала Решетникова, наряду с олигар-



хом Константином Малофеевым, особенно часто обвиняют в попытках дестабилизировать Западные Балканы, особенно Черногорию.

Учитывая ведущую роль России в черногорской экономике, потенциально Москва могла оказать самое серьезное давление на Подгорицу в вопросе вступления в НАТО. Однако на деле даже самые тяжелые обвинения, выдвинутые против Кремля, сводятся к малобюджетным операциям с ограниченной ресурсной базой и сомнительной эффективностью.

Правительства США и других западных стран рассматривают эти обвинения как доказательство того, что Кремль всерьез пытался дестабилизировать Западные Балканы. Но реальную степень обоснованности некоторых претензий Подгорицы к Москве еще только предстоит выяснить. Конечно, в Кремле должны быть раздражены тем, как резко Джуканович сменил внешнеполитический курс на пронатовский — ведь в свое время его тепло принимали в Москве как важного союзника и экономического партнера не только России в целом, но и отдельных российских чиновников. Однако и черногорское руководство, испытывающее немалые проблемы с соблюдением демократических стандартов, заинтересовано в том, чтобы смягчить западные требования реформ с помощью разговоров о российской угрозе. Демократическая партия социалистов, правящая Черногорией без малого 30 лет, старается представить любые проявления недовольства как прокси-войну российских агентов против прозападного курса страны<sup>41</sup>.

Пророссийские симпатии в Черногории есть, и очень сильные, но на их укрепление работает не столько российская пропаганда, сколько местная власть, чья политика направлена на максимальное углубление раскола в черногорском обществе.

Крупнейшая оппозиционная сила в Черногории — это пророссийские партии черногорских сербов. Меньшинство это только отчасти этническое: граница между этническими сербами и этническими черногорцами размытая, и многие граждане Черногории легко меняют одну идентичность на другую. Еще по переписи 1981 года в стране было всего 3 % сербов, а не около 30 %, как сейчас. Мало того, более 60 % черногорских граждан и сейчас считают, что говорят не на черногорском, а на сербском языке.

Такие колебания в самоидентификации связаны с особенностями формирования черногорской нации. До распада Югославии местные власти не вдавались в подробности черногорской идентичности. Кто хотел, считал себя отдельной нацией, кто не хотел — сербами с региональной спецификой. И те и другие спокойно называли себя черногорцами. Так продолжалось до конца 1990-х годов, когда Джуканович, чтобы оправдать разрыв с Сербией и собственное превращение в лидера суверенного государства, решил сделать это разделение главным в черногорской политике.

Отдельная черногорская нация, которую начал строить Джуканович, была основана на отрицании ее общности с сербами. Черногорцы должны не просто считать себя черногорцами, а еще и иметь отдельную от сербов православную церковь, отдельную историю, полную угнетения со стороны сербов, и даже собственный отдельный язык — пусть он и отличается от сербского всего десятком слов.

Такой радикальный подход к национальному строительству закономерно вызвал отторжение у значительной части граждан, которые воспринимали свое «черногорство» не как национальную, а как региональную идентичность. Протестуя против курса Джукановича, они стали демонстративно считать себя сербами.

В результате страна на пустом месте оказалась расколота по этническому принципу. В Черногории сформировались два враждующих этно-идеологических лагеря, у которых язык и вера одинаковые, но политическая программа во многом строится от противного. Если Джуканович со своим радикальным черногорским национализмом выступает за НАТО и против России, то черногорские сербы будут против НАТО и за Россию. Хотя случись партиям черногорских сербов прийти к власти, реальность заставила бы их пересмотреть установки во внешней политике, как это уже было с сербскими националистами в соседней Сербии.

Однако шансов получить реальную власть у черногорских сербов практически нет. Джуканович для того и затеял этнический раскол, чтобы превращать каждые выборы в голосование о черногорской независимости, о черногорском цивилизационном выборе, о вступлении Черногории в НАТО и о чем угодно еще — кроме вопроса о том, не пора ли на покой самому Джукановичу, остающемуся у власти без малого 30 лет. Этническая мобилизация всегда была на Балканах лучшим способом заставить избирателей забыть о недостатках их лидера. Когда каждые выборы превращаются в поединок «истинных прозападных» черногорцев с «мракобесными и нелояльными» сербами, гражданам становится некогда следить за ошибками действующего правительства.

Этнический раскол обеспечивает Джукановичу вечную власть, но ценой того, что треть жителей Черногории чувствует себя гражданами второго сорта. Их районы получают меньше бюджетного финансирования, их партии никогда не попадут в правящую коалицию, а их самих изображают агентами враждебного иностранного влияния, чтобы мобилизовать против них на выборах остальные две трети. Поэтому не будет ничего удивительного, если кто-то из них, разочаровавшись в легальных средствах борьбы, обратится к нелегальным или даже насильственным, как это, возможно, произошло в октябре 2016 года. Черногорские власти сами создали в стране такую ситуацию, когда значительной части населе-

---

**Отдельная черногорская нация, которую начал строить Джуканович, была основана на отрицании ее общности с сербами.**

---

ния кажется, что опостылевший и враждебный им режим нельзя сменить иначе как с помощью вооруженного мятежа.

Реальная несменяемость черногорской власти создает ей немало проблем и во внешней политике. Трудно интегрировать в Евросоюз и НАТО страну, где власть ни разу не менялась после распада соцлагеря и правящая Партия демократических социалистов, перековавшаяся из «Союза коммунистов», за 25 лет не проиграла ни одних общенациональных выборов, ни парламентских, ни президентских, — такого не было даже в России или Белоруссии. Еще труднее объяснить Западу, почему этой страной до сих пор фактически руководит Мило Джуканович, поднятый на вершины черногорской власти еще Милошевичем в 1989 году.

Сюда можно добавить обвинения против Джукановича в коррупции, в причастности к контрабанде сигарет, в семейственности (например, крупнейший банк Черногории был приватизирован так, что достался родному брату бывшего премьера), а также сомнительную роль Джукановича во время осады черногорскими частями Дубровника в 1991 году. Даже небольшой части из богатой биографии Джукановича хватило бы, чтобы вызвать вопросы: как могут Евросоюз и НАТО вести переговоры о вступлении со страной, имеющей такое руководство?

Поэтому Джукановичу приходится активно маневрировать, чтобы доказать Западу, что Черногория без серьезных перемен, уже в нынешнем ее виде должна стать частью западных институтов. Он меняет собственные формальные посты, регулирует внутривластную жизнь так, чтобы она смотрелась подемократичнее, но чтобы оппозиция все равно не могла победить. А главное, Джуканович старательно создает себе и своей партии образ единственной силы, способной не допустить прихода к власти в Черногории пророссийских политиков.

Поначалу получалось не очень: переговоры Черногории с Евросоюзом и НАТО тянулись годами без особого прогресса, сроки постоянно переносились, от страны требовали радикально реформировать избирательную, судебную, правоохранительную систему. И вообще западных лидеров явно тяготила необходимость публичного дружеского общения с Джукановичем — они бы предпочли видеть во главе Черногории кого-нибудь менее одиозного.

Но появление российских частей в Крыму весной 2014 года сильно упростило задачу Джукановичу. На фоне событий в Донбассе его слова о «гибридной российской угрозе» зазвучали для Запада гораздо убедительнее. Черногорская оппозиция, чьи пророссийские настроения были просто одним из традиционных элементов ее идеологии, стала восприниматься как пятая колонна Москвы. Успехи оппозиционных политиков на выборах в стране, уставшей от десятилетий однопартийного правления, превратились в успехи российской пропаганды, подрывающей прозападный настрой черногорцев. Протесты, ставшие уличными из-за

отсутствия легальных способов сменить власть, легко списываются на козни российских спецслужб.

В такой атмосфере претензии к качеству черногорских институтов и демократии решили поумерить, переговоры с НАТО резко ускорились, и в июне 2017 года Черногория официально вступила в Альянс. Это позволило НАТО ярко и с минимальными затратами продемонстрировать, что расширение Альянса продолжается и новым государствам по-прежнему есть смысл стремиться туда вступить, независимо от того, что думают по этому поводу в Москве.

Влияние этого шага на российские военные планы или на эмоциональное состояние российского руководства часто переоценивают. Теперь все средиземноморское побережье Европы подпало под контроль НАТО, но даже Советский Союз во времена своего наибольшего могущества и на пике противостояния с США обходился без военно-морской базы на европейском Средиземноморье. Тем более нет в ней жизненной необходимости сейчас.

Даже если не учитывать новые трудности в отношениях с Западом, в Черногории Россия столкнулась бы с серьезными препятствиями. Это и враждебные меньшинства албанцев и мусульман Санджака, и границы с входящими в НАТО Албанией и Хорватией, и спорная граница с Косовом. Но главное — местное население, около 75 % которого независимо от их отношения к НАТО выступают за интеграцию своей страны в Евросоюз<sup>42</sup>.

Проблемы Черногории неотделимы от проблем соседних балканских государств, поэтому предложить реалистичные решения для них может только Евросоюз. Это осознают и большинство жителей страны, и все ведущие политики как во власти, так и в оппозиции. Популярность России в Черногории — это не принципиальный выбор внешнеполитического курса и не результат подрывной работы российских агентов и пропаганды. Это одно из проявлений недовольства несменяемой и коррумпированной властью. И если эта несменяемая власть пользуется поддержкой Запада, то нет ничего удивительного, что оппозиция в ответ будет пытаться найти себе каких-то других, хотя бы символических внешних союзников. Россия не станет демонстративно закрывать двери перед такими страждущими.

## Босния и Герцеговина

Боснию и Герцеговину, с ее большой, симпатизирующей России сербской общиной, тоже часто относят к странам, где у Москвы есть особые интересы. Тут, правда, речь уже не идет о смене внешнеполитического курса Боснии на промосковский, потому что менять там нечего. Через 20 лет после Дейтонских соглашений боснийская политическая жизнь на обще-

государственном уровне по-прежнему остается парализованной: враждующие этнические общины упорно блокируют любые внешнеполитические инициативы друг друга.

Здесь Россию подозревают в намерении превратить автономию боснийских сербов Республику Сербскую в послушный сателлит, способный блокировать окончательное урегулирование югославских конфликтов, или даже поддержать провозглашение боснийскими сербами независимости. В этом случае Республика Сербская стала бы для Москвы чем-то вроде Южной Осетии на Балканах — небольшим и недорогим в содержании вассалом, удобным для строительства военных баз и блокирования расширения НАТО и ЕС в регионе.

---

**Россия — один из крупнейших инвесторов в экономику Боснии, но почти все эти инвестиции вложены в Республику Сербскую.**

---

Действительно, отношения России с Республикой Сербской в чем-то напоминают ее связи с Приднестровьем или Южной Осетией. Москва самым активным образом взаимодействует с региональным руководством сербской автономии, но при этом почти полностью игнорирует общенациональные структуры Боснии и Герцеговины.

Например, Россия — один из крупнейших инвесторов в экономику этой балканской страны, но почти все российские инвестиции вложены в Республику Сербскую. Также российские чиновники и лично президент Путин часто и охотно встречаются с многолетним лидером боснийских сербов Милорадом Додиком, хотя формально это руководитель всего лишь регионального уровня.

Мало того, Москва, в отличие даже от Белграда, не считает нужным хоть как-то критиковать поведение Додика в боснийской политике: его демонстративное неуважение к общегосударственным органам власти Боснии, нежелание выполнять их решения, регулярные угрозы провести в Республике Сербской какой-нибудь референдум и в целом его общий курс на отделение автономии боснийских сербов от Боснии.

Однако значение этих факторов не стоит преувеличивать. Да, Россия занимает четвертое место по накопленным прямым иностранным инвестициям в Боснию и Герцеговину, уступая только таким естественным и традиционным партнерам, как Австрия, Сербия и Хорватия. Причем почти все российские вложения сделаны в Республике Сербской. Но такое достижение скорее говорит о том, что иностранцы в принципе очень мало и неохотно вкладывают в Боснию. Накопленные прямые инвестиции России в эту страну на конец 2016 года составляли всего 490 млн долларов<sup>43</sup>.

Почти все эти деньги были вложены за относительно короткий период 2007–2009 годов. За восемь лет, прошедшие с того времени, объем накопленных прямых инвестиций России в Боснию практически не изменился. При этом вложения 2007–2009 годов сводятся, по сути, к одной крупной

сделке — покупке «Зарубежнефтью» нефтеперерабатывающих заводов «Брод», «Модрича» и еще нескольких объектов энергетической инфраструктуры в Республике Сербской. Заводы покупали в рамках общей экономической экспансии России на Балканах тех лет, когда страны бывшей Югославии казались перспективными экономиками, которые в будущем станут еще более перспективными благодаря евроинтеграции.

Однако иллюзии о балканских перспективах вскоре рассеялись, и вместо миллиарда долларов русских инвестиций в энергетику Республики Сербской, о которых с таким энтузиазмом рассуждал Додик в 2006 году, реальные вложения через 10 лет с трудом дотягивают до 500 млн долларов и уже давно не растут. Два нефтеперерабатывающих завода не приносят российскому инвестору ничего, кроме убытков. Возможность новых совместных проектов Республики Сербской с Россией всерьез не обсуждается. Забыты планы протянуть нефтепровод от НПЗ «Брод» в Загреб и дальше в хорватский порт Омишаль. «Зарубежнефти» не удалось выйти на рынок мусульманско-хорватской части Боснии, купив бывшую нефтяную госмонополию Energoptrol.

То, что Москва утратила интерес к Республике Сербской, подтверждает и долгая эпопея с русским кредитом, который Додик на протяжении двух лет пытался выбить из России в обмен на лояльность. Весной 2014 года, воодушевленный новым противостоянием России и Запада из-за Украины, лидер боснийских сербов прервал переговоры с МВФ, решив, что сможет получить гораздо больше денег и на лучших условиях в Москве благодаря новым геополитическим амбициям Кремля.

Сначала, в апреле 2014 года, Додик говорил, что Россия обещала ему 70 млн евро кредита уже сейчас и еще 200 млн евро до конца года. В октябре 2014-го он съездил в Москву и увеличил эту сумму до 500–700 млн евро. Но ни до конца года, ни после никаких денег Республика Сербская не получила. Осенью 2015 года родился новый план: сама Россия напрямую ничего не даст, зато будет кредит 300 млн долларов от некоего флоридского фонда, специально созданного накануне и управляемого гражданином РФ. Но и тут ничего не вышло. В начале 2016 года правительство Республики Сербской расторгло соглашение с флоридским фондом, так и не получив денег. Надежды заработать на новой холодной войне не оправдались, и Додик пришлось вернуться к переговорам с МВФ.

Тем не менее Додик не стал обижаться на Москву за такой бесславный конец долгих переговоров о кредите. Наоборот, он постарался это дело по возможности скрыть. Про гипотетические 500–700 млн евро от России в Республике Сербской трубили во всех СМИ. Короткая новость о расторжении соглашения с флоридским фондом мелькнула почти незамеченной<sup>44</sup>.

Пророссийские симпатии Додика не поколебало даже то, что в августе 2016 года Россия, по сути, распространила на Боснию продуктивное



эмбарго, хотя Босния из-за вето Республики Сербской не присоединилась к западным санкциям. Несмотря на это, Москва все равно запретила импорт боснийских овощей и фруктов: формально — из-за претензий к фитосанитарному контролю, а на деле, по-видимому, из опасений, что через Боснию российское эмбарго обходили те европейские страны, которые санкции ввели<sup>45</sup>.

Но Додик этими провалами не возмущается. Для него, как и для политиков в соседней Сербии, сами по себе переговоры о сотрудничестве с Россией имеют не меньшую политическую ценность, чем их реальные результаты. Боснийские сербы испытывают еще большую обиду на Запад, чем сербы сербские. Соответственно, популярность России как силы, противостоящей обидевшему их Западу, у боснийских сербов еще выше. Республика Сербская — небольшая и небогатая автономия, где живет меньше полутора миллионов человек, а подушевой ВВП один из самых низких в Европе. Поэтому то, что Додику удастся регулярно бывать в Москве, в Кремле, и даже лично встречаться с самим Владимиром Путиным, поднимает его на недосягаемую высоту для его местных политических конкурентов.

Но если Россия давно потеряла интерес к Республике Сербской, то зачем же тогда Додика по несколько раз в год принимают в Москве, награждают медалями, а накануне боснийских выборов даже устраивают ему личные встречи с президентом Путиным? Зачем российские госкомпании ведут с ним пускай бесплодные, но все-таки переговоры? Почему Москва хоть и не выражает прямой поддержки, но явно с одобрением относится к тому, что Додик демонстративно игнорирует центральную власть в Боснии и заигрывает с идеей провозглашения независимости Республики Сербской?

Причина в том, что Москва опасается, что если она поможет приструнить Додика, попытается уговорить его сотрудничать с центральной властью и вообще будет содействовать превращению Боснии в более-менее управляемую страну, то результат у этих усилий будет один: Босния и Герцеговина еще сильнее сблизится с НАТО и ЕС. С точки зрения Москвы, Евросоюз не ведет себя достаточно конструктивно в российском приграничье, поэтому и у Москвы нет никаких причин вести себя конструктивно в приграничье европейском. В случае Боснии Россия в состоянии исключить малейшую возможность вступления этой страны в НАТО с минимальными затратами — просто выдать Додику очередную медаль и принять на часок в Кремле. Так ради чего она будет от такой возможности отказываться?

Москва ни разу не позволяла себе какого-то шага, который можно было бы расценить как прямую поддержку сепаратистских устремлений боснийских сербов. Она может поддержать Додика в его претензиях к устройству боснийского госаппарата, но если речь заходит о террито-

риальной целостности Боснии и Герцеговины, то Россия всегда выступает за ее сохранение.

В конце 2016 года российская делегация в боснийском Совете по выполнению Мирного соглашения выступила с особым мнением: Додик, заявили они, имеет право провести референдум о том, какого числа лучше праздновать День Республики Сербской. Но в остальном российские представители полностью согласились с другими участниками Совета: осудили сепаратизм и подчеркнули важность сохранения Боснии и Герцеговины как единого государства<sup>46</sup>.

Было бы странно объяснять неуступчивость боснийских сербов поддержкой Москвы. Боснийские хорваты такой поддержки не имеют, но не менее отчаянно сопротивляются любым попыткам пересмотреть Дейтонские соглашения. Сам Додик тоже понимает, что Россия не готова безоговорочно поддерживать любые его начинания, — отсюда его метания на тему, проводить или нет еще один референдум, на этот раз о полномочиях общенациональных судов и прокуратуры в Республике Сербской.

Главная проблема Боснии не в российской поддержке Додика, а в том, что за 20 лет, прошедших после Дейтона, Евросоюз, чьим протекторатом фактически стала эта страна, так и не смог предложить трем враждующим боснийским этносам формат урегулирования, который устроил бы всех.

В принципе, этот формат напрашивается сам собой: боснийские сербы, несмотря на их угрозы провозгласить независимость, совсем не хотят жить в суверенной и непризнанной Республике Сербской с причудливыми границами и депрессивной экономикой. Они хотят, чтобы Республика Сербская стала частью большого сербского государства. Понятно, что в полном масштабе реализовать это невозможно, но можно хотя бы в символическом — предложить боснийским сербам перспективу интеграции в такие западные институты, в составе которых уже будет столь дорогая им Сербия. Они бы сразу согласились, многие их политики говорят об этом прямым текстом: как решит Белград, так и мы.

Но пока не похоже, чтобы евроатлантические структуры собирались как-то форсировать интеграцию Сербии. Этому мешает и неготовность самой Сербии, и негативная реакция, которую неизбежно вызвал бы такой шаг у соседей по региону, где по-прежнему хватает претензий к Белграду. Отсюда замкнутый круг взаимной обструкции. И из него не видно выхода независимо от того, какой будет позиция России по боснийскому вопросу.

## Македония

Несмотря на то что большинство населения Македонии составляют православные славяне, эта страна всегда привлекала намного меньше внимания России, чем соседние Сербия или Болгария. Развитию сотрудничества с Македонией мешали враждебная позиция Греции — гораздо более



важного для Москвы партнера; неурегулированная проблема македонской части еще советского долга перед Югославией, которую удалось решить только в 2010 году; наконец, просто очень скромные масштабы македонской экономики. Также Россия не принимала активного участия в урегулировании последней, македонской фазы югославских войн — вооруженного конфликта между албанцами и македонцами в 2001 году.

Волна российских инвестиций в Балканы второй половины 2000-х почти не коснулась Македонии. В 2006 году свою первую македонскую автозаправку открыл «Лукойл», с тех пор их число там выросло до 28. Металлургическая группа Solway выходца из СССР Александра Бронштейна приобрела в Македонии два рудника: свинцово-цинковый «Саса» и медный «Бучим», — крупных македонских экспортеров. Но Solway сейчас базируется в Швейцарии и давно распродала почти все свои активы в России, поэтому считать эту компанию российским инвестором уже не приходится. К тому же в 2015 году Solway продала цинковый рудник «Саса» американской компании Orion Mine Finance<sup>47</sup>.

Отчасти похожая ситуация сложилась с македонскими инвестициями российского экс-сенатора Леонида Лебедева. Его структуры контролируют ТЭЦ ТЕ-ТО (220 МВт), которая освещает и отопливает Скопье. Но доли в ТЭЦ принадлежат компаниям, зарегистрированным в офшорах, а сам Лебедев еще в 2015 году перестал быть сенатором и больше не живет в России, где против него возбуждено уголовное дело<sup>48</sup>.

Наконец, третий крупный российский бизнесмен, связанный с Македонией, — это Сергей Самсоненко, владелец сети букмекерских контор и нескольких македонских спортивных клубов. Он перебрался из России в Македонию в 2006 году и через несколько лет стал не только одним из самых богатых, но и одним из самых известных людей в стране, активно выступая в поддержку правившей в те годы партии ВМРО-ДПМНЕ. Начало публичной активности Самсоненко произошло одновременно с потеплением в российско-македонских отношениях, и, скорее всего, бизнесмен с туманным российским прошлым решил инвестировать в общественно значимые, но экономически сомнительные проекты в Македонии не без совета из Москвы. Однако речь тут идет о нескольких десятках миллионов долларов — сумме малозначительной даже в македонских масштабах. К тому же своим взлетом и благополучием Самсоненко скорее обязан связям в македонском, а не российском госаппарате<sup>49</sup>.

Остальные российские инвестиции в Македонии — это совсем крошечные предприятия вроде небольшого завода по производству лекарств или чайной фабрики. Так что на конец 2016 года накопленные прямые инвестиции России в македонскую экономику составляли всего 39 млн евро. Это очень мало даже для Македонии, всего 0,8 % от общего объема<sup>50</sup>.

Не лучше обстоят дела и в торговле. В отдельные годы Россия входила в пятерку крупнейших внешнеторговых партнеров Македонии. Но маке-

донский экспорт в Россию всегда оставался очень небольшим, в районе 20–30 млн евро в год, а российский импорт почти полностью сводится к энергоносителям. Когда к общему падению цен на нефть добавилось то, что в 2012–2013 годах македонский НПЗ «ОКТА» прекратил заниматься нефтепереработкой, последствия для российско-македонской торговли оказались сокрушительными. В 2008–2014 годах объем российского импорта в Македонию сократился в шесть раз, а Россия с первого места по импорту откатилась на тринадцатое, уступив даже далекому США<sup>51</sup>.

Македония всерьез попала в поле зрения официальной Москвы только в 2010–2011 годах, когда оказалось, что эта страна тоже может поучаствовать в строительстве «Южного потока». Основной маршрут газопровода не попадал на македонскую территорию, но стороны думали о том, чтобы построить туда ответвление. Македония была рада возможности получить новые инвестиции и рабочие места, контакты активизировались, страны урегулировали вопрос советских долгов, ввели безвизовый режим, начали обмениваться визитами на высшем уровне.

Несмотря на энтузиазм сторон, до дела так и не дошло, македонское ответвление умерло вместе со всем остальным «Южным потоком». Но это не испортило российско-македонских отношений, потому что вскоре Македония получила возможность стать ключевой страной другого важного проекта России — «Турецкого потока», который пришел на смену «Южному». «Турецкий поток» должен идти из России через Черное море в Турцию и Грецию, а где-то в Греции свернуть на север в сторону Сербии, Венгрии и Австрии. Болгария для такого поворота не очень подходит, потому что только что завалила «Южный поток». Албания слишком нестабильна и враждебна России. Остается только Македония.

Скопье нравилась новая роль ключевой транзитной страны. В апреле 2015 года македонский министр иностранных дел вместе со своими коллегами из Турции, Греции, Сербии, Венгрии и России подписал в Будапеште декларацию об энергетическом сотрудничестве, что неформально толковалось как согласие этих стран принять участие в строительстве нового российского газопровода<sup>52</sup>.

Однако вскоре «Турецкий поток» тоже столкнулся с серьезными трудностями. Отношения России и Турции стали определяться ситуацией в Сирии. Например, после того, как в ноябре 2015 года Турция сбила российский Су-24 у сирийской границы, переговоры о «Турецком потоке» прекратились больше чем на полгода.

Летом 2016 года Россия и Турция возобновили сотрудничество, а в мае 2017 года началось строительство морского участка «Турецкого потока», но каким будет окончательный вариант проекта газопровода,

---

**Каким будет окончательный вариант проекта «Турецкого потока», остается неясным до сих пор.**

---

остаётся неясным до сих пор. Межправительственное соглашение по поставкам газа заключено с Турцией только по первой нитке, которая должна поставлять газ потребителям в самой Турции. А маршрут второй нитки для транзита газа дальше в Европу по-прежнему не определен<sup>53</sup>.

Поэтому пока сотрудничество России и Македонии в области транспортировки газа сводится к небольшому 60-километровому газопроводу Ключевце — Неготино, который там строит «Стройтрансгаз» в основ-

ном в счет старого советского долга перед Югославией. Газопровод соединит македонскую газотранспортную систему с греческой, но стать элементом будущей балканской части «Турецкого потока» он вряд ли сможет: его пропускная способность всего 110 млн кубометров газа в год, а для «Турецкого потока» потребуется в несколько десятков раз больше<sup>54</sup>.

Тем не менее у России сохраняется некоторый интерес к Македонии как к потенциально важному партнеру в будущем. К тому же затяжной политический кризис, начавшийся в этой стране весной 2015 года, давал дополнительные основания для того, чтобы надолго отложить ее возможное вступление в НАТО.

Во время многомесячных протестов в Скопье Россия решительно поддержала правительство Николы Груевского и обвинила Запад во вмешательстве во внутренние дела Македонии. Все это в сочетании с неприсоединением Македонии к санкциям ЕС против России дало повод заподозрить Москву в том, что она пытается воспользоваться тяжелым положением, в котором оказался правящий больше десяти лет Груевский, и навязать македонскому правительству более пророссийский курс во внешней политике.

Эти подозрения особенно усилились, когда после досрочных выборов президент Македонии Гёрге Иванов, лояльный Груевскому, отказался доверить формирование правительства коалиции оппозиционных социал-демократов и албанских партий, хотя те выиграли большинство мест в новом составе парламента. Вскоре Иванов получил приглашение в Москву, где был встречен лично президентом Путиным, отметившим, что письменность пришла в Россию «как раз с македонской земли»<sup>55</sup>.

В довершение в СМИ попали якобы документы македонской контрразведки, где описывалось, как российские спецслужбы массово вербуют агентов в силовых структурах Македонии, распространяют в стране антизападную пропаганду, нагнетают межэтническую напряженность и требуют от правительства Груевского занять более пророссийскую позицию в обмен на поддержку Москвы<sup>56</sup>.

Действительно, в российской официальной позиции по македонскому кризису, помимо традиционного для Москвы осуждения уличных антиправительственных протестов, присутствовал явный акцент на межэт-

**Роль России в македонском кризисе, начавшемся весной 2015-го, нельзя назвать ни исключительной, ни определяющей.**

нических противоречиях в Македонии. Причем появился этот акцент с самого начала кризиса — еще тогда, когда и албанцы, и этнические македонцы были широко представлены с обеих сторон баррикад<sup>57</sup>. Далее Москва последовательно поддерживала Груевского. Судя по теплоте приема, которого удостоился в Москве союзник Груевского президент Иванов в мае 2017 года, эта поддержка распространялась и на нежелание Груевского допустить оппозицию к формированию нового правительства даже после того, как его партия ВМРО-ДПМНЕ на досрочных выборах не смогла получить большинство мест в парламенте.

Тем не менее роль России в македонском кризисе нельзя назвать ни исключительной, ни определяющей. Сильные эмоциональные заявления в поддержку той или иной стороны конфликта делали лидеры многих государств. Руководители Косова и Албании призывали македонскую оппозицию к более решительным действиям, а Груевского поддерживали, например, в Белграде и Будапеште. Тогдашний министр иностранных дел Австрии Себастьян Курц вообще выступал на предвыборном митинге ВМРО-ДПМНЕ, агитируя македонцев голосовать за партию Груевского<sup>58</sup>.

Заявления Москвы об угрозе Великой Албании вряд ли повлияли на ситуацию внутри Македонии сильнее, чем пропагандистские усилия самого Груевского, который месяцами через государственные СМИ накачивал население и антиалбанской паранойей, и рассказами о том, что протесты проплачены Соросом.

Ну а окончательную ясность в вопрос о том, кто обладает реальным влиянием в Македонии, внесло вмешательство в кризис зампомощника госсекретаря США по делам Европы и Евразии Хойта Брайана Йи. В конце апреля 2017 года он провел переговоры с обеими сторонами конфликта, добился компромиссного решения о формировании нового правительства и за несколько дней урегулировал кризис, с которым брюссельские переговорщики не могли справиться на протяжении двух лет<sup>59</sup>.

Груевского и его партию македонских националистов ВМРО-ДПМНЕ вообще странно называть пророссийской силой, потому что они всегда выступали за скорейшее вступление страны не только в ЕС, но и в НАТО. И то и другое для жителей Македонии — вопросы надпартийного консенсуса, и отказ от этих целей стал бы что для Груевского, что для его оппонентов социал-демократов верным политическим самоубийством. Не случайно, когда «Единая Россия» искала в Македонии партнеров, чтобы заключить с ними свое символическое соглашение о нейтральных Балканах, единственным, кого удалось найти, оказалась крошечная Демократическая партия сербов, представляющая сербское меньшинство (менее 2 % населения страны).

Как и в других странах региона, главным партнером для македонских политиков остается Запад, а отношения с Россией для них лишь один

из способов усилить свои переговорные позиции с евроатлантическими структурами. Груевский начал налаживать контакты с Москвой только через несколько лет после прихода к власти, когда все его попытки продвинуться в деле интеграции Македонии в НАТО и ЕС ни к чему не привели. И даже на последних выборах в декабре 2016 года, когда многие мировые СМИ изображали его чуть ли не марионеткой Кремля, вступление Македонии в НАТО оставалось одним из главных пунктов его партийной программы<sup>60</sup>.

Новое македонское правительство, по всей видимости, надеется воспользоваться интересом России к их стране противоположным образом, но с теми же целями. Новая министр обороны Македонии Радмила Шекеринска уже заявила, что Москва пытается дестабилизировать ситуацию в стране, а остановить российскую угрозу можно с помощью вступления Македонии в НАТО<sup>61</sup>.

Сложно сказать, в какой степени тут сыграли роль опасения, что Македония может подпасть под российское влияние, а в какой — просто желание западных лидеров стабилизировать приграничный с ЕС регион, но приход к власти нового македонского правительства на Западе приняли с большим энтузиазмом. Уже в первые недели на посту премьера Зоран Заев успел провести личные встречи с вице-президентом США Пенсом, канцлером Германии Меркель, генсеком НАТО Столтенбергом. Все они выразили активную поддержку евроатлантическому курсу Скопье и заверили, что двери ЕС и НАТО по-прежнему остаются открыты<sup>62</sup>.

Помимо требований реформ, серьезным препятствием на пути Македонии в евроатлантические структуры остается спор с Грецией вокруг официального названия страны, но после смены правительства в Скопье и здесь наметился прогресс. Стороны опять вернулись к активным переговорам и уже провели на эту тему несколько встреч на уровне министров. А уважаемая греческая газета «Катимерини» со ссылкой на дипломатические источники сообщила, что Германия оказывает на Грецию неформальное давление, призывая Афины смягчить свою позицию в споре вокруг названия<sup>63</sup>.

Возможно, бывший главнокомандующий войсками НАТО в Европе Джеймс Ставридис поторопился, когда в июле 2017 года заявил, что Македония станет следующей страной, которая вступит в Альянс<sup>64</sup>. Но по сравнению с другими государствами-кандидатами шансы Македонии стать тридцатой страной НАТО действительно выглядят самыми высокими.

## Выводы

Западные Балканы привыкли чувствовать себя в центре внимания мировых держав. Нынешнее поколение балканских политиков еще помнит, как в 1990-е распадавшаяся Югославия годами была чуть ли не главным



источником международных новостей. Поэтому неудивительно, что и местные деятели, и внешние наблюдатели по инерции склонны преувеличивать значение этого региона. Западные Балканы действительно занимают важное геополитическое положение на пути из Западной Европы к Черному морю и Ближнему Востоку, но в результате долгой гражданской войны 1990-х регион превратился в одну из самых малопривлекательных и бесперспективных частей Европы. После активной интервенции в 1999 году США и НАТО быстро переключились на другие проблемы и регионы. Евросоюз также не испытывал особого энтузиазма в отношении интеграции Западных Балкан.

Низкий уровень жизни, депрессивная постсоциалистическая экономика, слабый рост ВВП и массовый отток населения в Западную Европу сочетаются здесь со спорными границами, межэтнической ненавистью и тлеющими с 1990-х годов конфликтами. Западные Балканы очень нуждаются во внешней помощи, чтобы модернизировать экономику и окончательно разобраться с наследием гражданской войны, но вряд ли они могут предложить взамен что-то существенное. По крайней мере, не в ближайшие годы.

У России нет ни желания, ни возможности заниматься решением балканских проблем. Недавний всплеск российской активности в регионе — свидетельство стремления Москвы противостоять доминированию США в Европе, а также реакция на поведение Запада, когда после многолетней паузы в расширении НАТО в Альянс была принята Черногория.

Цели у России на Балканах в основном имиджевые: поддержать свою репутацию мировой державы, имеющей интересы в самых разных частях мира; сохранить популярность среди местного населения; представить себя как силу, альтернативную Западу. Также Москва предпочла бы замедлить или даже вообще остановить приход НАТО в исторически близкие ей республики бывшей Югославии. Однако Западные Балканы по-прежнему не относятся к приоритетам российской внешней политики, поэтому эти цели Москва готова преследовать только до тех пор, пока это не требует серьезных вложений.

За последние пару лет было опубликовано немало утечек об активности российских спецслужб на Западных Балканах. Сложно сказать, какие из них соответствуют действительности и насколько. Но даже в самых тяжелых обвинениях речь идет о двух-трех российских агентах, которые каким-то образом сотрудничают с гораздо более масштабными местными структурами. А эти местные структуры, в свою очередь, созданы (а иногда и вооружены) отнюдь не Россией — они выросли сами из внутренних балканских проблем. К этим проблемам относятся бедность, нерешенные этнические противоречия; неспособность Запада сыграть роль беспристрастного арбитра в постъюгославских конфликтах; неготовность



ЕС, в сферу притяжения которого уже давно входят Западные Балканы, предложить этим государствам график присоединения к Союзу.

То же самое происходит с успехами российской пропаганды на Западных Балканах. Действительно, у Москвы в регионе есть несколько пропагандистских СМИ, которые транслируют на местных языках соответствующую картину мира. Но их относительный успех в гораздо большей степени связан с благоприятными местными условиями, чем с целенаправленными российскими усилиями. В отличие, например, от катарской «Аль-Джазиры» среди пяти телеканалов RT нет ни одного вещающего на сербохорватском. А интернет-портал «Спутник Србија» сопоставим с основными газетами Сербии не только по размеру аудитории, но и по содержанию — пророссийских и антизападных материалов там не больше, чем во многих других, никак не связанных с Москвой сербских изданиях. Российские СМИ не создают на Западных Балканах собственной повестки, а только лишний раз акцентируют сюжеты, которые и так присутствуют в ведущих медиа региона.

Сами местные власти в Македонии и Сербии через подконтрольные им крупные государственные СМИ обвиняют протестующих в том, что они подкуплены Соросом и западными агентами. Теория о том, что Запад поддерживает албанцев против православных славян, придумана не Россией: она популярна на Балканах уже много лет и связана с тем, что Запад действительно поддерживал албанцев в Косове в конце 1990-х и в Македонии в 2001 году. Массовое разочарование в Евросоюзе вызвано не привлекательностью российской альтернативы, а тем, что за 14 лет, прошедших после саммита в Салониках в 2003 году, большинство жителей Балкан так и не почувствовали на себе позитивных эффектов евроинтеграции.

России удастся поддерживать свою популярность на Западных Балканах минимальными вложениями, но эта популярность вырастает лишь из разочарования в Западе. Мало того, большую часть работы по созданию России имиджа могущественной и влиятельной державы делают за Москву балканские политики, преследуя собственные интересы.

Некоторые из них изображают российское всемогущество в негативных тонах, чтобы снизить требования Запада и ускорить интеграцию своих стран в евроатлантические структуры. Другие, наоборот, — в позитивных. Стремясь подать себя избирателям как истинных патриотов и националистов, они охотно расписывают преимущества от сотрудничества с Россией, хотя в реальности это сотрудничество может сводиться к короткому и формальному визиту в Кремль без каких-либо практических последствий.

России, безусловно, льстит этот образ всемогущей альтернативы Западу, поэтому Москва готова подыгрывать балканским политикам, если это не требует больших затрат. Российские власти считают, что Евросоюз

ведет себя неконструктивно в российском приграничье, а значит, и они не обязаны вести себя конструктивно в приграничье европейском.

Россия действует на Западных Балканах яркими, но малобюджетными жестами: подарить Сербии несколько старых истребителей и танков; принять президента Македонии Иванова в Кремле, заявив, что он представляет страну, с чьих земель в Россию пришла кириллица; подписать с оппозиционными партиями Черногории ни к чему не обязывающий меморандум о борьбе за нейтральные Балканы. Но всерьез тратиться на борьбу за влияние на Западных Балканах Россия по-прежнему не готова.

Возможная дестабилизация Западных Балкан могла бы создать проблемы для гарантов безопасности в регионе — НАТО и ЕС, но никак не укрепила бы ни геополитические, ни экономические позиции России. Подобный сценарий можно представить только в том случае, если противостояние России и Запада станет еще более острым и стороны начнут использовать любые способы, лишь бы хоть как-то навредить противнику.

России нет смысла перетягивать Западные Балканы от Евросоюза и НАТО в свои интеграционные структуры типа ЕАЭС и ОДКБ, как это происходит на постсоветском пространстве. Эти страны уже отделены от российских границ сплошным поясом стран НАТО, и от того, будет ли Черногория или Сербия внутри или вне Альянса, ситуация с безопасностью России принципиально не изменится. В отличие от постсоветского пространства, российские экономические связи с Западными Балканами многократно уступают по масштабам связям этого региона с Евросоюзом: объем иностранных инвестиций, внешняя торговля, финансовая помощь, денежные переводы — можно смело брать любой показатель.

Неприятности, с которыми сталкивается Запад из-за российского влияния на Балканах, — мелочь по сравнению с реальными трудностями, которые возникнут в процессе интеграции балканских государств в западные институты. Настоящие проблемы на Балканах внутренние, они были заложены еще в 1990-е, когда страны Запада не смогли выступить достаточно беспристрастными посредниками в урегулировании многочисленных постъюгославских конфликтов. В последующие годы США и ЕС утратили интерес к Западным Балканам и старались не обращать внимания на то, что под кажущейся внешней стабильностью местные противоречия только усиливаются. Что делать с новым балканским обострением теперь, когда у Запада хватает собственных проблем, — сложный вопрос. Но найти на него ответ не станет проще от попыток изобразить Россию главным источником нестабильности в регионе.



## Примечания

- 1 Прямая линия с Владимиром Путиным. — Президент России. — 17 апреля 2014 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/20796>
- 2 Владимир Путин ответил на вопросы журналистов. — 16 октября 2016 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/53103>
- 3 *Shchedrov O.* Serbia signs strategic energy deal with Russia. — Reuters UK Edition. — January 25, 2008 // <http://uk.reuters.com/article/uk-russia-serbia-idUKL2515142420080125>
- 4 См. показатели на сайте «Газпромнефти»: <http://ir.gazprom-neft.ru/key-financial-data/obzor/>. См. также: *Албунович И.* «Телеком» најпрофитабилнији, НИС највећи, Србијагаз најзадуженији [«Телеком» наиболее прибыльный, «НИС» — самый большой, «Сербиягаз» задолжал больше всех]. — Политика. — 27.09.2016 // <http://www.politika.rs/scc/clanak/364417/Telekom-najprofitabilniji-NIS-najveci-Srbijagas-najzaduzeniji>
- 5 Serbia's Balance of Payments. — National Bank of Serbia // [https://www.nbs.rs/internet/english/80/platni\\_bilans.html](https://www.nbs.rs/internet/english/80/platni_bilans.html)
- 6 Ministarstvo: Ruski kredit do 2021, bez problema [Министерство: российский кредит до 2021 года — без проблем]. — В92. — 19.07.2016 // [http://www.b92.net/biz/vesti/srbija.php?yyyy=2016&mm=07&dd=19&nav\\_id=1156958](http://www.b92.net/biz/vesti/srbija.php?yyyy=2016&mm=07&dd=19&nav_id=1156958)
- 7 «Интер РАО ЕЭС» намерено построить в Сербии электростанции на 2 млрд евро. — Сегодня.ру. — 15 апреля 2008 года // [http://www.segodnia.ru/news/68875/Rusi\\_bi\\_da\\_grade\\_nuklearku\\_u\\_Srbiji](http://www.segodnia.ru/news/68875/Rusi_bi_da_grade_nuklearku_u_Srbiji) [Россияне хотят построить АЭС в Сербии]. — В92. — 30.11.2009 // [http://www.b92.net/biz/vesti/srbija.php?yyyy=2009&mm=11&dd=30&nav\\_id=395464](http://www.b92.net/biz/vesti/srbija.php?yyyy=2009&mm=11&dd=30&nav_id=395464); *Джумайло А., Попов Е., Джджуа Т.* «Уралвагонзавод» покотился в Сербию. — Коммерсантъ. — 11 октября 2012 года // <http://www.kommersant.ru/doc/2041737>
- 8 Соглашения. — Торгово-промышленная палата Российской Федерации. Представительство в Республике Сербия и Черногории // <http://www.tikrf.org/ru/sporazumi/>
- 9 Внешняя торговля. — Республиканский статистический институт (Сербия) // <http://webzgs.stat.gov.rs/WebSite/Public/PageView.aspx?pKey=215>
- 10 *Kardaś Sz.* At Crossroads: Current Problems fo Russia's Gas Sector. — Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia / Centre for Eastern Studies. — March 2017 // [https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/prace\\_63\\_ang\\_at-crossroads\\_net.pdf](https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/prace_63_ang_at-crossroads_net.pdf)
- 11 *Zaba N.* Crimea Officials Tout for Business in Serbia. — Balkan Insight. — October 21, 2016 // <http://www.balkaninsight.com/en/article/crimea-officials-tout-for-business-in-serbia-10-21-2016>
- 12 Vučić verovatno pre izbora sa Putinom [Вучич, вероятно, встретится перед выборами с Путиным]. — Политика. — 19.03.2017 // <http://www.politika.rs/sr/clanak/376540/Vucic-verovatno-pre-izbora-sa-Putinom>; *Саморуков М.* Конец пророссийской романтики. Чего ждать от нового президента Сербии. — 3 апреля 2017 года // <http://carnegie.ru/commentary/?fa=68490>
- 13 *Dragojlo S.* Serbia Plans Joint Exercise with Russia in 2016. — Balkan Insight. — January 25, 2016 // <http://www.balkaninsight.com/en/article/serbian-special-forces-conducts-joint-exercises-with-russia-01-22-2016>

- 14 *Dragojlo S.* Serbia Joins US Military Drills in Germany. — *Balkan Insight*. — August 22, 2016 // <http://www.balkaninsight.com/en/article/serbia-joining-military-drill-with-us-armed-forces-in-germany-08-22-2016>
- 15 *Črajak B.* Vučić: Od Rusije šest „migova 29” i 30 tenkova [Вучич: Россия передала 6 МиГ-29 и 30 танков]. — *Политика*. — 21.12.2016 // <http://www.politika.rs/sr/clanak/370523/Vucic-Od-Rusije-sest-migova-29-i-30-tenkova>
- 16 NATO's role in Kosovo. — NATO website. — March 9, 2017 // [http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics\\_48818.htm](http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_48818.htm)
- 17 *Кременовић М.* Република Српска између Русије и НАТО-а [Сербская Республика между Россией и НАТО]. — *Политика*. — 11.06.2015 // <http://www.politika.rs/scc/clanak/330052/Republika-Srpska-izmedu-Rusije-i-NATO-a>
- 18 Serbia makes big step toward NATO. — B92. — February 17, 2016 // [http://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2016&mm=02&dd=17&nav\\_id=97073](http://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2016&mm=02&dd=17&nav_id=97073)
- 19 No need to give Russian Center diplomatic status. — B92. — July 17, 2017 // [http://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2017&mm=07&dd=17&nav\\_id=101829](http://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2017&mm=07&dd=17&nav_id=101829)
- 20 Vučić odmah iza Tita, Đindić ispred Miloševića [Вучич сразу за Тито, Динджич перед Милошевичем]. — *Danas*. — 16.11.2016 // [http://bezbednost.org/Sve-publikacije/6461/Stavovi-gradjana-o-bezbednosti-Srbije-i-dijalogu.shtml](http://www.danas.rs/politika.56.html?news_id=332335&title=Vu%C4%8Di%C4%87+odmah+iza+Tita%2c+%C4%90in%C4%91i%C4%87+ispred+Milo%C5%A1evi%C4%87a;Popović M., Stojanović Gajić S. Stavovi gradana o bezbednosti Srbije i dijalogu sa Prištinom [Мнения граждан Сербии о безопасности и диалоге с Приштиной]. — Белградский центр политики безопасности // <a href=)
- 21 Ministarka: NATO i Rusija nisu tražili vojne baze u Crnoj Gori [Министр: НАТО и Россия не пытались открыть военные базы в Черногории]. — *Blic Online*. — 24.12.2013 // <http://www.blic.rs/vesti/svet/ministarka-nato-i-rusija-nisu-trazili-vojne-baze-u-crnoj-gori/h2hyqw2>
- 22 Ni govora o ruskoj vojnoj bazi u Crnoj Gori [Переговоры о российской военной базе в Черногории не ведутся]. — *Radio Svobodna Evropa*. — 29.01.2015 // <https://www.slobodnaevropa.org/a/ni-govora-o-ruskoj-vojnoj-bazi-u-crnoj-gori/26819847.html>
- 23 Dižemo glas: Gradanski i nenasilno u odbranu Ustava [Мы поднимаем голос: гражданская и ненасильственная защита Конституции]. — *Vijesti Online*. — 23.10.2015 // <http://www.vijesti.me/vijesti/dizemo-glas-gradanski-i-nenasilno-u-odbranu-ustava-857078>
- 24 Medojević o pozivu Mandića: Ne idem na anti-NATO proteste [Медоевич на призыв Мандича: я не буду участвовать в антинаатовских протестах]. — *Vijesti Online*. — 5.12.2015 // <http://www.vijesti.me/vijesti/medojevic-o-pozivu-mandica-ne-idem-na-anti-nato-proteste-863887>
- 25 *Ђурић Н.* Лукшић: Русија нас дестабилизује [Лукшич: Россия дестабилизирует нас]. — *Политика*. — 23.04.2015 // <http://www.politika.rs/scc/clanak/325506/Luksic-Rusija-nas-destabilizuje>
- 26 МИД РФ предупредил об «антироссийской истерии» в Черногории. — *Интерфакс*. — 20 апреля 2017 года // <http://www.interfax.ru/russia/559276>
- 27 Роспотребнадзор запретил ввоз черногорских вин Plantaze. — *РБК*. — 26 апреля 2017 года // <http://www.rbc.ru/society/26/04/2017/590011e49a79476429f14f3e>
- 28 Turizam — Saopštenja 2016 [Туризм: Пресс-релизы — 2016]. — *Statistical Office of Montenegro* // <http://www.monstat.org/cg/page.php?id=1378&pageid=44>
- 29 Dolasci i noćenja turista u kolektivnom smještaju — Saopštenja 2017 [Прибытие и ночевка туристов в коллективных средствах размещения. Пресс-релизы —

- 2017]. — Статистическое управление Черногории // <http://www.monstat.org/cg/page.php?id=1457&pageid=44>
- 30 Balance of Payments. — Central Bank of Montenegro // [https://www.cbcg.me/eng/index.php?mn1=statistics&mn2=international\\_economic\\_relations&mn3=balance\\_of\\_payments](https://www.cbcg.me/eng/index.php?mn1=statistics&mn2=international_economic_relations&mn3=balance_of_payments)
- 31 *Watson N.* Russian oligarch suffers metal fatigue in Montenegro. — bne IntelliNews. — December 12, 2013 // <http://www.intellinews.com/russian-oligarch-suffers-metal-fatigue-in-montenegro-500018248/?source=montenegro&archive=bne>
- 32 Evropeizacija izbornih programa u Crnoj Gori. Koliko političke partije prihvataju evropske politike? [Европеизация предвыборных программ в Черногории. Насколько политические партии принимают европейскую политику?] — Centar za građansko obrazovanje (CGO). — Podgorica, 2016 // [media.cgo-ccc.org/2016/10/Evropeizacija-izbornih-programa-u-Crnoj-Gori-koliko-politicke-partije-prihvataju-evropske-politike.pdf](http://media.cgo-ccc.org/2016/10/Evropeizacija-izbornih-programa-u-Crnoj-Gori-koliko-politicke-partije-prihvataju-evropske-politike.pdf)
- 33 Russian state bodies' behind Montenegro coup plot says prosecutor. — The Telegraph. — February 20, 2017 // <http://www.telegraph.co.uk/news/2017/02/20/russian-state-bodies-behind-montenegro-coup-plot-says-prosecutor/>
- 34 *Farmer B.* Reconstruction: The full incredible story behind Russia's deadly plot to stop Montenegro embracing the West. — The Telegraph. — February 18, 2017 // <http://www.telegraph.co.uk/news/2017/02/18/reconstruction-full-incredible-story-behind-russias-deadly-plot/>; *Farmer B.* Surveillance photos "show Russian intelligence officers plotting Montenegro coup". — The Telegraph. — August 29, 2017 // <http://www.telegraph.co.uk/news/2017/08/28/surveillance-photos-show-russian-intelligence-officers-plotting/amp/>
- 35 Hrvatska: Crvena potjernica za Sindelićem [Хорватия: красный ордер на арест Синджелича]. — Radio Svobodna Evropa. — 10.04.2017 // <https://www.slobodnaevropa.org/a/28421623.html>
- 36 Velimirović teško povrijeđen u udesu na Kosovu [Велимирович серьезно пострадал в результате нападения в Косове]. — Vijesti Online. — 20.04.2017 // <http://www.vijesti.me/vijesti/velimirovic-tesko-povrijeden-u-udesu-na-kosovu-934345>
- 37 Srpska ambasada negira tvrdnje Čurovića: Vaše razmirice nas ne interesuju [Сербское посольство отрицает претензии Чуровича: ваши разногласия не интересуют нас]. — Vijesti Online. — 15.06.2017 // <http://www.vijesti.me/vijesti/srpska-ambasada-negira-tvrdnje-curovica-vase-razmirice-nas-ne-interesuju-942354>
- 38 Velimirović i ostali moraju da svjedoče na suđenju za državni udar [Велимирович и другие должны свидетельствовать в суде]. — Vijesti Online // <http://www.vijesti.me/vijesti/velimirovic-i-ostali-moraju-da-svjedoce-na-sudenju-za-drzavni-udar-950258>
- 39 Mr. Zekovic: Crna Gora nastavlja da krši evropsku konvenciju za ljudska prava [Мистер Зекович: Черногория продолжает нарушать Европейскую конвенцию о правах человека]. — Bosnjaci.Net. — 05.08.2008 // <http://bosnjaci.net/prilog.php?pid=26390>
- 40 Михаил Фрадков назначен директором Российского института стратегических исследований. — Президент России. — 2 ноября 2016 года // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53190>
- 41 Đukanović optužio Rusiju da pomaže opoziciju pred izbore [Джуканович обвинил Россию в оказании помощи оппозиции перед выборами]. — *NI*. — 13.09.2016 // <http://rs.n1info.com/a192927/Svet/Region/Djukanovic-Rusija-pomaze-opoziciju.html>
- 42 Latest opinion poll findings on Montenegro's EU integration process: steady support for membership. — Delegation of the European Union to Montenegro. — March 7, 2016 // <http://www.delme.europa.eu/code/navigate.php?Id=3455>



- 43 См. статистику на сайте Центрального банка Боснии и Герцеговины: <http://www.cbbh.ba/content/read/915>
- 44 Propalo zaduženje RS od 300 miliona dolara [Исчез долг Республики Сербской на 300 млн долларов]. — Capital. — January, 2016 // <http://www.capital.ba/propalo-zaduzenje-rs-od-300-miliona-dolara/>
- 45 Россия запрещает ввоз овощей и фруктов из Боснии и Герцеговины. — Ведомости. — 3 августа 2016 года // <http://www.vedomosti.ru/business/news/2016/08/03/651633-vvoz-ovoschei>
- 46 Communiqué of the Steering Board of the Peace Implementation Council. — Office of the High Representative. — July 12, 2016 // <http://www.ohr.int/?p=96688>
- 47 В Македонии открыта 28-я АЗС «Лукойл». — Посольство Российской Федерации в Республике Македония. — 22 марта 2016 года // [http://macedonia.mid.ru/torgovo-ekonomiceskoe-sotrudnicestvo/-/asset\\_publisher/O5TxF6HqS45n/content/v-makedonii-otkryta-28-aa-azs-lukoj-1?inheritRedirect=false; Solway Investment Group announces the sale of its Macedonian SASA DOO Assett. — Solway Group website. — November 4, 2015 // http://www.solwaygroup.com/index.php/news/solway-investment-group-announces-sale-its-macedonian-sasa-doo-asset](http://macedonia.mid.ru/torgovo-ekonomiceskoe-sotrudnicestvo/-/asset_publisher/O5TxF6HqS45n/content/v-makedonii-otkryta-28-aa-azs-lukoj-1?inheritRedirect=false; Solway Investment Group announces the sale of its Macedonian SASA DOO Assett. — Solway Group website. — November 4, 2015 // http://www.solwaygroup.com/index.php/news/solway-investment-group-announces-sale-its-macedonian-sasa-doo-asset)
- 48 Развојни планови [Планы развития]. — ТЕ-ТО АД Скопје // <http://te-to.com.mk/za-nas/business-development/>; Экс-сенатор Лебедев покинул Россию до возбуждения уголовного дела. — РБК. — 22 сентября 2016 года // <http://www.rbc.ru/rbcfree/news/57e3903b9a79470c86cc1e86>
- 49 Расследование РБК: как россиянин стал самым богатым человеком Македонии. — Журнал РБК. — Октябрь 2017 // [http://www.rbc.ru/magazine/2017/10/59c2aa029a79473e38382464?from=center\\_3](http://www.rbc.ru/magazine/2017/10/59c2aa029a79473e38382464?from=center_3)
- 50 National Bank of the Republic of Macedonia // <http://www.nbrm.mk/ns-newsarticle-direktni-investicii--sostojbi-en.nspх>
- 51 Foreign Trade. — National Bank of the Republic of Macedonia // [http://www.nbrm.mk/nadvorieshno\\_trghovska\\_razmiena-en.nspх](http://www.nbrm.mk/nadvorieshno_trghovska_razmiena-en.nspх)
- 52 *Мордюшенко О., Барсуков Ю., Дудина Г., Бархатова Д.* Клуб друзей «Газпрома». — Коммерсантъ. — 8 апреля 2015 года // <https://www.kommersant.ru/doc/2703855>
- 53 *Топорков А., Папченкова М.* «Газпром» форсировал строительство «Турецкого потока». — Ведомости. — 19 июля 2017 года // <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/07/19/724468-gazprom-turetskogo-potoka>
- 54 Участок Ключовце — крановый узел VS 5 газопровода Ключовце — Неготино в Македонии. — Стройтрансгаз // [http://www.stroytransgaz.ru/projects/oilgas\\_engineering/3192/](http://www.stroytransgaz.ru/projects/oilgas_engineering/3192/)
- 55 Встреча с Президентом Македонии Гёрге Ивановым. — Президент России. — 24 мая 2017 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/54556>
- 56 Leaked Documents Show Russian, Serbian Attempts to Meddle in Macedonia. — The Organized Crime and Corruption Reporting Project (OCCRP) // <https://www.occrp.org/en/spooksandspin/leaked-documents-show-russian-serbian-attempts-to-meddle-in-macedonia/>
- 57 Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks at the 125th ministerial session of the Committee of Ministers of the Council of Europe, Brussels, May 19, 2015 // [http://www.mid.ru/web/guest/foreign\\_policy/rso/coe/-/asset\\_publisher/uUbe64ZnDjso/content/id/1291631](http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/rso/coe/-/asset_publisher/uUbe64ZnDjso/content/id/1291631)
- 58 Sebastian Kurz is undermining EU conditionality, returning a favour to Skopje. — New Europe. — November 30, 2016 // <https://www.neweurope.eu/article/austrian-foreign-minister-campaigns-vmro-dpmne-skopje/>

- 59 *Саморуков М.* ЕС — США — Россия. Кто разжигал и кто не допустил гражданскую войну в Македонии. — 19 мая 2017 года // <http://carnegie.ru/commentary/70030>
- 60 Программу см. здесь: [https://vmro-dpmne.org.mk/files/vmro\\_programa\\_2017-2020\\_web.pdf](https://vmro-dpmne.org.mk/files/vmro_programa_2017-2020_web.pdf)
- 61 *Okov S.* Republic of Macedonia Eyes NATO to Ward Off Russian Interference. — Bloomberg. — August 8, 2017 // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-08-07/rep-of-macedonia-eyes-nato-to-stave-off-russian-interference>
- 62 Mike Pence in Montenegro urges Balkans to turn away from Russia. — DW. — August 2, 2017 // <http://www.dw.com/en/mike-pence-in-montenegro-urges-balkans-to-turn-away-from-russia/a-39943571>
- 63 Grčki list „Katimerini”: Ubrzava se procedura za prijem Makedonije u NATO, Atina pod pritiskom [Греческая газета «Катимерини»: ускорение процедуры приема Македонии в НАТО, Афины под давлением]. — Политика. — 12.06.2017 // <http://www.politika.rs/sr/clanak/382767/Region/Grcki-list-Katimerini-Ubrzava-se-procedura-za-prijem-Makedonije-u-NATO-Atina-pod-pritiskom>
- 64 Stavridis: Macedonia is the next country that will join NATO. — European Western Balkans. — July 26, 2017 // <https://europeanwesternbalkans.com/2017/07/26/stavridis-macedonia-next-country-will-join-nato/>



---

## Московский Центр Карнеги

Московский Центр Карнеги более 20 лет служит одним из самых авторитетных источников аналитической информации о России и странах бывшего СССР.

Публикации Московского Центра Карнеги выходят на русском и английском языках и охватывают широкий круг вопросов — от внутренней политики и тенденций развития общества до внешнеполитической повестки и проблем нераспространения ядерного оружия.

Центр привлекает самых разных специалистов, объединенных приверженностью принципам научного подхода и объективного анализа. Наши эксперты не только превосходно разбираются в специфике местных реалий, но и видят их в глобальной перспективе.

Фонд Карнеги за Международный Мир был учрежден Эндрю Карнеги в 1910 году. Основная задача Фонда — содействие сотрудничеству между странами. В своей деятельности Фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине.

---

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРА КАРНЕГИ

**ИЛЛЮЗИЯ БЛИЗОСТИ: АМБИЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ  
РОССИИ НА ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ**

Максим Саморуков

Редактура и корректура *бюро ТХТ (www.txtburo.com)*

Дизайнер русскоязычной версии *Я. Красновский*

Компьютерная верстка *Ю. Мосягин*

Фото на обложку: *Россия. Санкт-Петербург. 6 марта. Во время митинга в поддержку сербского народа на Малой Конюшенной улице. Елена Пальм / Интерпресс / ТАСС.*

Подписано в печать 26.12.2017

Формат 60x90 1/8. Печать цифровая. Бумага офсетная.

Гарнитура Garamond Premier Pro.

Усл. печ. л. 7

Тираж 200 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна

Россия, 125040, Москва,

Ленинградский проспект, 11-28

classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва,

Тверская ул., д. 16 стр. 1

Тел.: + 7 (495) 935-89-04

Факс: + 7 (495) 935-89-06

Email: info@carnegie.ru

www.carnegie.ru

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН ДЕЛИ МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ  
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ  
ОРГАНИЗАЦИЯ



МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР  
КАРНЕГИ

[Carnegie.ru](http://Carnegie.ru)